

Юлия Арниева

НАСЛЕДНИЦА
ДОЛИНЫ РЕЙН

Юлия Арниева

Наследница долины Рейн

«Автор»

2023

Арниева Ю.

Наследница долины Рейн / Ю. Арниева — «Автор», 2023

В прошлой жизни судьба меня не слишком баловала. Пришлось много работать, чтобы добиться успеха. Но, как оказалось, всё было напрасно, правда, осознала я это слишком поздно. А вот на вопрос: изменила бы свой путь, пройдя его ещё раз, ответ я так и не узнала. И судьба словно в насмешку предоставила мне ещё один шанс. Теперь я Делия Рейн — та, что выжила вопреки всему. Наследница некогда прибыльного предприятия, которое за каких-то пять лет обанкротил лживый, подлый муж, и мне снова придётся много работать. Вот только в этот раз мне есть за кого бороться, и вероломная семейка получит по заслугам.

© Арниева Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Аннотация	5
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	45
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юлия Арниева

Наследница долины Рейн

Аннотация

В прошлой жизни судьба меня не слишком баловала. Пришлось много работать, чтобы добиться успеха. Но, как оказалось, всё было напрасно, правда, осознала я это слишком поздно. А вот на вопрос: изменила бы свой путь, пройдя его ещё раз, ответ я так и не узнала. И судьба будто в насмешку предоставила мне ещё один шанс.

Теперь я Делия Рейн – та, что выжила наперекор всему. Наследница некогда прибыльного предприятия, которое за каких-то пять лет обанкротил лживый, подлый муж и мне снова придётся много работать. Вот только в этот раз мне есть за кого бороться, и вероломная семейка получит по заслугам.

Пролог

– Ну что ж, пора... Делия Рейн вернулась домой, – со злой усмешкой проговорила. Окинув беглым взглядом родовое гнездо, решительно ступила на мощённую камнем дорожку, – а здесь не так всё плохо, как ты описывал.

– Делия, это лишь фасад, – хмыкнул Кип, ехидным голосом добавив, – у Фрэнка исключительный талант спускать монеты на хорошеньких и глупых девиц.

– Кип, как можно! Никакого почтения к графу, – едва слышно рассмеялась, благодарно улыбнувшись мужчине. Как я ни готовилась к этому возвращению, но всё равно было жутко волнительно!

Дыхание перехватило, стоило мне выбраться из кареты, сердце тут же пустилось вскачь, как только я увидела особняк.

– Простите, мадам, в трущобах манерам не учат, – шутовски поклонился Кип, в ту же секунду вернув былую серьёзность, прошептал, – опасную игру ты затеяла, Дель.

– Знаю, Кип, ты уже говорил, – лукаво подмигнула, чуть замедлила свой шаг, чтобы мужчина смог опередить меня. Графство Рейн сейчас переживало не лучшие времена. Стражу Фрэнк давно разогнал, даже привратника он не смог содержать, поэтому мы беспрепятственно подошли к зданию. В особняке слуг тоже практически не было, и объявить о моём возвращении Кип решил сам.

– Мадам Делия Рейн, – вскоре громко огласил мой помощник и охранник в одном лице, широко распахивая передо мной массивные двустворчатые двери, почтительно склонив голову. Я же, гордо подняв подбородок, плавно прошествовала в холл дома, остановившись ровно в центре комнаты, пристально посмотрела на замершего у камина, ошеломлённого старика.

– Мадам? – потрясённо выдохнул старый дворецкий – единственный, кто остался в этом доме из прошлого, его губы задрожали, а глаза застили непролитые слёзы, – мадам Делия, я так рад вас видеть.

– Лудо, ты почти не изменился, – ласково улыбнулась мужчине, поддавшись порыву, сжала его сухонькую ладонь, – я тоже очень рада тебя видеть. Это мой помощник Кип и он будет жить в соседней комнате с моими покоями. Лудо, покои родителей занял мой муж?

– Да... мадам, – чуть запнулся дворецкий, стыдливо опустив свой взгляд.

– Вынести все его вещи в комнату для гостей. Сменить постельное бельё, подушки выбить и прожарить на солнце, а лучше вообще заменить. Пледы, одеяла тоже хорошенько почистить, ковры вынести и выбить. Наряды Мэдлин выставить на улицу, в своём доме я не потерплю любовниц мужа, – приказала, краем глаза заметив любопытное личико молоденькой служанки, мелькнувшее в коридоре, ведущем в половину слуг.

– Как прикажете, мадам, – не скрывая радости проговорил Лудо, верный слуга моего отца, – сию секунду, госпожа.

– Я подожду в кабинете, – произнесла, неторопливо прошлась по холлу, внимательным взглядом окинула небольшое, некогда уютное помещение. Которое, впрочем, почти не изменилось: те же высокие окна с полукруглой верхней фрамугой, тёмные панели из отполированного до блеска дерева. Тканевые обои с изображённым на них растительным орнаментом и крохотными бабочками, которых маленькая Дель могла часами рассматривать, взобравшись на кресло. Сейчас их цвет стал блёклым, рядом с камином они были покрыты бахромой сажки, а в правом углу под потолком один их край грустно свисал. Всё как в воспоминаниях, разве что исчезли фарфоровые статуэтки на камине, которые отец привозил матери из разных городов, да дорогие парчовые шторы сменили на противный коричневый бархат.

– Мадам Делия, я прикажу подать вам чай, – просипел старик, всё ещё не пришедший в себя, чуть помедлив, пробормотал, – с молоком и кусочком горького шоколада?

– Да, Лудо, спасибо, – благодарно улыбнулась дворецкому, устремилась к широкой мраморной лестнице с красивыми, коваными перилами. Верный Кип отправился за мной следом, с лёгкостью для такого тщедушного тела неся мои чемоданы.

Коридор тоже не изменился, может, сейчас он выглядел мрачнее, чем в воспоминаниях, и стал немного уже. А так те же панели, обои вновь с растительным орнаментом, но на этот раз место бабочек заняли стрекозы. Пошарпанная дорожка закрывала мраморный пол, а вдоль нее чёрной полосой тянулась въевшаяся грязь. По обе стороны коридора были размещены восемь широких, крепких, из тёмного дерева дверей с красивыми латунными ручками.

– Богато жили.

– Да, отец много работал, чтобы ни я, ни моя мама не знали нищеты. Эти земли достались ему в награду, как и титул, – проговорила, только сейчас осознав, что именно так сильно изменилось в этом мрачном ходе: не было портретов... ни одного. Презрительно хмыкнув, медленно, растягивая каждое слово, произнесла: – А Фрэнк всё уничтожил.

– Дель...

– Идём, – прервала мужчину, широким шагом устремилась к знакомой двери, за которой Дель провела своё счастливое детство, – здесь была моя комната.

– Зайдём?

– Нет, не сейчас. Он, скорее всего, там, а я пока не готова к этой встрече, – пробормотала, замерев всего в шаге от двери, за которой находился тот, ради кого я всё это затеяла, – далее покои родителей.

– Тоже не хочешь заходить? – хмыкнул Кип, каждый раз удивляя меня своей проницательностью.

– Противно, не хочу видеть их вещи, – сморщила нос, проходя дальше по коридору, – здесь кабинет отца, ещё есть на первом этаже, но в этом он чаще всего засиживался. А в большом обычно проводил встречи.

– Дель, мне проследить, как выполняется твой приказ?

– Нет, не стоит обижать Лудо, это единственный человек, который действительно рад здесь меня видеть и всегда искренне служил нашей семье, – отказалась, с силой толкнув массивную дверь, на мгновение замерла у порога, пытаясь уловить родной запах отца, но резкий аромат мужских духов и дух дешёвых сигар безжалостно стёр воспоминания детства.

– Морёный дуб, – хмыкнул Кип, не желая оставлять свои замашки и презрение к богачам.

– Отцу привёз этот стол Карей О'Рейли, странно, что Фрэнк его ещё не продал, – пробормотала, медленно проводя ладошкой по гладкой столешнице, – здесь стоял письменный набор.

– Стол Фрэнк утащить не смог, больно тяжёл, а вот письменный набор оказался ему по силам, – насмешливо прокомментировал мужчина, окинув цепким изучающим взглядом небольшое помещение.

– Здесь сейф отца, интересно, Фрэнк его нашёл? – задумчиво пробормотала, сдвинув деревянную панель, достала из сумочки комплект ключей, который бережно хранила в шкапулке, – пыль давняя... не обнаружил. Хм, есть небольшой запас фарингов и сохранилось мамино кольцо.

– Сюда идут, – предупредил Кип, молниеносным движением оказавшись у дверей. Мне же пришлось спешно закрывать сейф, возвращать на место панель и быстро устраиваться в кресле.

– Мадам Делия, ваш чай, – объявил довольный Лудо, лично подав мне любимый напиток, – служанки уже в покоях, я прослежу, чтобы ваш приказ был выполнен в точности.

– Спасибо, Лудо, – улыбнулась старику, сделав небольшой глоток ароматного чая, проговорила, – как всегда, самый лучший... скажи, Лудо, а что, в особняке нет экономки?

– Есть, мадам. Гарнет рассчитали полгода как, а Лорреса приступила к службе два месяца назад по протекции мадам Мэдлин.

– Седьмая экономка за пять лет, – задумчиво проговорила, водя пальцем по краю блюда, – и служанки тоже новые?

– Да, мадам.

– Хорошо, спасибо, Лудо, можешь идти, – отпустила дворецкого и, дождавшись, когда старик покинет кабинет, проговорила, – мне нужны верные люди, только не приводи в дом тех, кто тащит всё, что плохо приколочено.

– Лично проведу беседу.

– За каждого спрошу с тебя, – произнесла, пристально взглянув на мужчину, – здесь не трущобы, подбери соответствующий персонал.

– Как прикажешь, мадам, – почтительно склонил голову Кип, но в его глазах блеснул лукавый огонёк, – Фрэнк обычно возвращается после восьми часов и до полуночи играет в карты с друзьями.

– Отлично, будет много свидетелей моего триумфального возвращения, – невозмутимо ответила, перебирая бумаги, небрежно брошенные на столе, – закладная, ещё одна... удивительно, как много людей всё ещё верят Фрэнку.

– Он мастер ладно говорить.

– Это да, – задумчиво кивнула, невольно вспомнив наши беседы, – с частью закладных придётся рассчитаться, я не хочу потерять и клочка земли, принадлежавшей моей семье...

Больше часа мы просидели в кабинете, изучая документы, подсчитывая долги, что успел накопить мой муж за эти бесконечные, мучительные пять лет. И я была уверена, найденные закладные – это не всё, что придётся разгребать после Фрэнка. А ещё он и его отец так просто не отступят, и придётся выдержать не один бой, прежде чем мне удастся избавиться от этой семейки.

– Мадам, ваши покои готовы.

– Спасибо, – поблагодарила дворецкого, поднимаясь из-за стола, – Лудо, Кипу потребуются плотницкие инструменты, они всё ещё хранятся в кладовой?

– Да, мадам Делия, – ответил старик, с недоумением взглянув на Кипа, проговорил, – простите, мадам, но для чего?

– Установить замок и засов на двери покоев, а также на двери кабинета, – пояснила дворецкому, с сочувствием на него посмотрев, стар он слишком для такой игры, чуть помедлив, добавила, – пока в этом доме проживает мой муж, я нахожусь в опасности.

– Ох... мадам, – испуганно выдохнул Лудо, настороженно заозиравшись, прошептал, – я сейчас принесу.

– Ты его перепугала, – тотчас укорил меня Кип, стоило дворецкому покинуть кабинет.

– Лудо должен знать, что счастливой семьи у нас с Фрэнком не получится, – ответила, выходя в коридор, мысленно продолжила: «и что Делия стала совсем другой».

– Стоит его сменить.

– Да, но назначить его на более спокойную должность, – продолжила, с трепетом и затаённой грустью открыла дверь комнаты родителей. Сейчас здесь пахло свежестью и приторным цветочным ароматом: ветерок беспрепятственно залетал в открытое настежь окно, окутывая пространство чарующими ароматами летнего сада.

Мебель, ковры и даже шторы остались прежними, казалось, отец и мать только покинули покои и скоро вернуться. Но на прикроватной тумбочке не лежал любовный роман, которыми зачитывалась мама. В кресле не было шерстяного пледа отца, да и в целом комната сейчас выглядела нежилой и холодной.

– Мадам Делия, – позвал Кип, привлекая к себе внимание, – к вам пришли.

– Да? – обернулась, заметив застывшую на пороге комнаты молоденькую девушку, которая, потупив взгляд, едва слышно пробормотала:

– Мадам Делия, меня прислал мсье Лудо. Приказал разобрать ваш багаж.

– Разбери, – коротким кивком показала на чемоданы, после чего прошла к окну, из которого открывался вид на некогда прекрасный сад. Сейчас же вид заброшенного парка наполнил моё сердце грустью – всё видимое пространство заросло сорняками, выжившие кусты роз задыхались от невероятного количества сорной травы, кои проросли даже на мощённых камнем дорожках. Буйная поросль так же скрыла уютную беседку, где когда-то маленькая Дель играла со своими подружками.

– Готово, теперь в твои покои никто не проберётся, – довольно протянул Кип, прерывая мои мысли, тут же добавив, – служанка уже ушла.

– Отлично. Я осмотрю ванную, а ты прикажи подать ужин. Сегодня останешься здесь, на диване тебе хватит места, а завтра переберёшься в комнату для гостей.

– Ты думаешь, Фрэнк осмелится?

– Я не хочу рисковать, – ответила, бросив на кровать шляпку, на ходу расстегнув пару верхних пуговиц рубахи, отправилась в ванную.

До возвращения Фрэнка оставалось около часа. И в ожидании этого момента мне казалось, что время застыло. Стрелки медленно, словно насмехаясь, едва двигались. Тени в углах комнаты стали сгущаться, а с улицы перестали доноситься привычные звуки. Будто бы весь мир замер в ожидании... и это нервировало.

– Вернулся, – короткое слово из уст Кипа прозвучало как гром среди ясного неба, отчего я невольно поёжилась.

– Да, пора, – кивнула, поправив чуть примятый подол платья, я покинула покои. Неспешно пройдя по коридору, остановилась на площадке лестницы, с высоты молчаливо наблюдая за пятью мужчинами, среди которых был мой муж. Там же, нахально усмехаясь, стояла молоденькая девушка – Мэдлин, несостоявшаяся певица и любовница Фрэнка. Судя по взбешённому виду, муж заметил выставленные на крыльцо вещи своей очередной пассии, и это ему не понравилось.

– Лудо! Как ты посмел! – визгливо выкрикнул граф Доуман, схватившись за модную в нынешнем сезоне трость, – ты сейчас же...

– Я приказала. Твоей любовнице не место в спальне моих родителей! – чеканя каждое слово, произнесла, с презрительной ухмылкой посмотрела на потрясённого мужа. Его друзья казались не менее изумлёнными, а вот Мэдлин была в ярости.

– Делия? – просипел мужёнок. От удивления чуть приоткрыв рот, он так и не сдвинулся с места, ошеломлённо застыв у подножия лестницы.

– Завтра поговорим, Фрэнк, дорога меня вымотала, и я хочу отдохнуть. Твои вещи я приказала перенести в гостевую комнату.

– Делия?!

– Доброй ночи, – произнесла и, больше не сказав ни слова, коротким кивком попрощалась с гостями, направилась в свои покои. Кип молчаливой тенью проследовал за мной, запер дверь на засов и только тогда злорадно хмыкнул.

– Первый ход сделан, – криво усмехнулась, устало зарыв глаза. Я погрузилась в свои воспоминания, пытаюсь понять, когда всё это началось.

Глава 1

Наверное, всё началось в тот день, когда я узнала, что неизлечимо больна и что мой муж мне изменяет...

Это был понедельник. Пасмурный осенний день, с противным и мелким, как пыль, дождём и промозглым ветром. Перебегая дорогу, я умудрилась наступить в грязную, с радужными, маслянистыми разводами лужу и, шагая по длинным, нагнетающим чувство тревоги, белоснежным коридорам, ощущала, как в моей обуви неприятно хлюпало. В кабинете сквозь пелену гулкого шума в моей голове, к которому я за два месяца уже привыкла, слушала полный сочувствия голос врача, слепо рассматривая выданные мне результаты анализов.

В то утро я не вернулась в офис, впервые за много лет решила прогулять. За руль сесть тоже не рискнула и, вызвав такси, поспешила домой, зная, что Серёжка сегодня хотел поработать дома.

Муж стал единственным близким мне человеком... так вышло, что ни родственников, ни подруг у меня не было. Мама своих никогда не знала, воспитанница детского дома, она привыкла рассчитывать только на себя и даже не пыталась найти родных. Отец – он бросил мою мать, как только узнал о её беременности. Трусливо сбежал под покровом ночи, не оставив даже крохотной записки с объяснениями. Желания разыскать отца у меня никогда не возникало. Подруги... у меня не было времени на развлечения, я прилежно училась, потом много работала, создав свою фирму, стала работать ещё больше, позабыв об отдыхе и прочих радостях жизни.

Спустя пять лет, когда, казалось бы, можно немного сбавить ритм – заболела мама. Полгода лечения, тонны лекарств, тысячи обследований ничего не дали. Очень больно и страшно терять самое родное, что у меня было. Сквозь серый, мрачный туман я смутно помню похороны мамы, её изнеможенное болезнью лицо и участливый, полный заботы голос Сергея, который вытянул меня из пучины страха и невыносимой потери...

С того дня, дня нашего знакомства, прошло уже больше десяти лет. Удивительно, но мы идеально подходили друг другу. Оба трудоголики, тем не менее старались хотя бы раз в год выбираться в отпуск, который чаще всего проводили на море, лениво валяясь на пляже. У нас были схожи вкусы в музыке, литературе и фильмах, а отдыхать вечерами мы предпочитали дома, так как оба не любили шумные тусовки. Мы были почти идеальной семьёй, единственное, что омрачало мою жизнь – это невозможность родить малыша от любимого мужчины. Сергей спустя месяц нашего знакомства признался, что в детстве перенёс серьёзное заболевание, которое лишило его возможности стать отцом.

В тот роковой день, возвращаясь домой, сминая в руках бумаги с приговором, я невольно подумала: Наверное, хорошо, что я так и не сходила в детский дом. Болезнь мамы, доставшаяся мне по наследству, очнулась в моём теле намного раньше, и я бы не успела вырастить ребёнка. А Сергей... он не хотел, чтобы наша семья стала больше, муж лишь поддерживал и принимал моё желание, но, как выяснилось, вся наша жизнь была ложью...

Вернувшись в квартиру, надеясь получить поддержку от мужа, я узнала, что Сергей через два месяца станет отцом. И что его печальные рассказы о мнимой болезни – враньё. А наша семья – притворство. Слушая воркование пары, наблюдая за нежными, заботливыми ухаживаниями мужа за незнакомой мне девушкой, в моей голове билась лишь одна мысль: «Как я могла быть такой слепой. Он никогда не был со мной так ласков. Никогда не смотрел на меня так, как смотрел на девушку, которая носит его малыша».

Тогда я ни слова не сказала мужу, молча покинула квартиру. И задыхаясь от боли в груди из-за непролитых слёз, подавляла ужас, явившийся из глубин души – ужас одиночества. Борясь со страхом снова остаться одной, с трудом сдерживая вырывающиеся из горла противные пре-

рывистые всхлипы, отправилась в офис. К тому времени, когда я добралась до здания, расположенного на окраине города, мои чувства притупились, а в голове созрел план. И первое, что я сделала – позвонила конкуренту, с которым, впрочем, сложились отличные здоровые отношения, и договорилась о встрече. Прежде чем покинуть этот мир, я решила подготовиться...

Продала квартиру, с условием отсрочки выезда из неё на три месяца. Продала фирму, указав в договоре пункт, что все работающие сотрудники сохранят свои места не менее десяти лет. Попросила Владимира не говорить о смене собственника минимум месяц, не хотелось «радовать» мужа раньше времени. Он же, укоризненно на меня поглядывая, считая, что я совершаю глупость, обещал организовать похороны, когда придёт моё время. Я понимала его недоумение, со стороны странно выглядело моё смирение, но я достаточно обежала врачей и даже самые именитые разводили руками. А оттягивать неизбежное, поглощая невероятное количество лекарств, чтобы на пару месяцев удлинить свою жизнь, я не желала. Так что, озорно улыбнувшись старому знакомому и оставив себе небольшую сумму, достаточную, чтобы отправиться в короткое путешествие по стране, я перевела остальную сумму, вырученную от продажи имущества, в детский дом, где выросла мама.

Отправляясь в путешествие в один конец, я сообщила Сергею, что еду в отпуск и в этот раз хочу побыть одна. Муж не стал настаивать и даже обрадовался, с ласковой улыбкой провожая меня в аэропорт. Я тоже довольно улыбалась, сожалея лишь о том, что не увижу лицо мужа, когда он узнает, что у меня больше ничего нет и что его план провалился. А я ведь и правда, поддавшись его советам, чуть было не передала все права на фирму Сергею, чтобы, не отвлекаясь от ежедневной рутины, погрузиться в новый проект. Теперь его ожидает неприятное известие, что, кроме автомобиля, который он приобрёл ещё до нашего знакомства, у него ничего нет, да, впрочем, ничего и не было...

Моё маленькое путешествие было невероятно насыщенным, интересным и познавательным. Я много гуляла, вкусно ела, посещала достопримечательности и даже танцевала. От сим-карты я избавилась, как только приземлилась в первый пункт назначения, поэтому мне никто не мешал наслаждаться новым и неизведанным. А ещё я много общалась... знакомилась с разными людьми, слушая их истории, восхищалась мужеством, силой воли и неукротимой жадой жизни, невольно заражаясь их верой и позитивом.

Но, к сожалению, я успела посмотреть совсем немного. Боль стала настолько невыносимой, что пора было найти укромный уголок. Лекарства, что выписал мне врач, уже не справлялись, а лишь усугубляли и без того тяжёлое состояние. От них мутился разум, кружилась голова и ужасно тошнило. А приступы, после которых на протяжении трёх дней я не могла произнести ни слова, стали появляться всё чаще.

Поэтому, попрощавшись с новыми знакомыми, я отправилась в небольшую деревеньку, которую заприметила ещё в начале моего вояжа и сняла там крохотный домик. Такой же измученный, уставший и умирающий, как, впрочем, и сама деревня. С двумя улицами и десятком живых домов, в которых обитали старички, не желающие покидать родные места.

Мало-мальски наведя порядок в избушке и познакомившись с соседями, я, как это страшно и странно не звучало бы – стала ждать своей смерти. То погружаясь в пучину нестерпимой боли, находясь словно между сном и явью, то пребывая в странной, необъяснимой эйфории, я всё же продолжала искренне верить, что это ещё не конец...

В этот раз меня разбудил неприятный скрипучий голос, словно кто-то железным гвоздём монотонно царапал по стеклу. От этого звука ломило зубы, виски простреливала боль, а во рту оставалось послевкусие крови... Так как я вот уже на протяжении целого месяца жила в домике в полном одиночестве, то было странно слушать, как этот противный женский голос желал скорой смерти какой-то твари. Не открывая глаз, внимая жалобным вздохам страдальцы, я даже на миг ей посочувствовала. Действительно, обидно прозябать в захудалом поместье, в

глухой деревне, ухаживая за тварью на протяжении целых пяти лет, если всё это время можно было развлекаться в городе.

После очередного витка жалобных повторений я всё же нашла в себе силы чуть приоткрыть глаза, чтобы посмотреть на мученицу, но через мгновение потрясённо затаила дыхание, прислушиваясь к своей голове... она не болела. Выматывающая, невыносимая боль исчезла, осталась лишь слабость в теле, тошнота и горло саднило, как после продолжительного кашля.

– Мадам... сейчас, подождите, – удивительно заботливо пробормотал всё тот же голос, к моим губам поднесли кружку, – выпейте, вам будет лучше.

– Кто... – недоговорила, в мой рот потекла вязкая, противная жидкость, а потом пришла БОЛЬ! Разрывающая грудь, сжигающая нутро, ломающая кости. А голос, что совсем недавно так неистово желал смерти какой-то твари, ласково шептал, что надо потерпеть. Что всёйдёт и станет легче...

Глава 2

В следующий раз я очнулась в безмолвной, звенящей тишине. Она сжимала меня в своих жутких объятиях, давила сверху словно надгробная плита, а мрак, окружающий кровать, был настолько плотным, что, казалось, его можно было потрогать руками. Неприятный, скрипучий голос, эта притворная забота и боль, последовавшая сразу за ней, теперь казались мне чем-то далёким и ненастоящим. Сейчас меня знобило от холода, а тело сотрясилось мелкой дрожью, и у меня едва хватило сил натянуть тоненькое одеяло до подбородка. Любые усилия пошевелились отдавались болью во всём теле, голова кружилась, но не болела, и это меня несказанно радовало. А вот подняться сил уже не хватило. С кривой усмешкой выругавшись на свой упрямый отказ от помощи, я забылась беспокойным, полным странных, незнакомых образов, сном.

Очередное пробуждение случилось на рассвете. Не открывая глаза, боясь знакомой вспышки боли, я настороженно прислушалась к себе. Голова казалась лёгкой и невесомой, а привычный нестерпимый гул и давление в висках вдруг исчезли. Мысленно порадовавшись ясности разума и отсутствию головокружения, я попыталась подняться, но тело... оно будто было чужим, неповоротливым, слабым, и отказывалось мне подчиняться. С большим трудом мне удалось заглушить подступающую панику и прогнать прочь жуткие мысли о параличе, и я, стиснув зубы до скрежета, сжала руки в кулак, чуть приподнялась. И наконец осмелилась немного приоткрыть глаза, чтобы тут же их распахнуть в немом изумлении.

Комната, в которой я находилась, не была похожа на низенькую клетушку с бревенчатыми, оштукатуренными и окрашенными в белый цвет стенами. Здесь не было приземистого буфета с выстроенными в ровный ряд щербатыми кружками и блюдами. Не было пошарпанного кресла и полосатых домотканых дорожек на дощатом потёртом полу. Эта комната была просторной, с огромной кроватью в центре, массивным шкафом у стены с поблёкшими от времени обоями и оттоманкой у широкого окна, сквозь которое пробивался розовый с золотом свет.

Изумлённо осматриваясь, гадая, как я могла очутиться в этом незнакомом месте, мой взгляд невольно отмечал вычурные лампы, стоящие на прикроватной тумбочке и на большом письменном столе. Кресло из тёмного, отполированного до блеска дерева, на котором был кем-то небрежно брошен плед, тоже поражало своими необычными формами. Небольшой, сложенный из красного кирпича камин со следами сажки восхищал кованой решёткой и невероятно красивой подставкой для кочерги и совка. Несколько деревянных рамок с портретами на его полке тоже привлекли моё внимание своими витиеватыми узорами и позолотой. Медленно переводя свой взор с небольшой рамки с портретом ребёнка двух лет, показавшегося мне смутно знакомым, на свои руки, я некоторое время оторопело рассматривала худые, бледные до синевы пальцы. С недоумением взидала на виднеющиеся под прозрачной кожей тоненькие голубые вены, на аккуратные ноготки, безрезультатно ища след ожога на запястье и рваный шрам после запоминающейся встречи с соседским псом.

– Как такое возможно, – ошеломлённо просипела, рассматривая небольшое колечко с маленьким красным камешком на левой руке, обратила свой очумелый взгляд на крохотную ступню, торчавшую из-под одеяла, пробормотала, – это не...

– Мадам! – не дала мне договорить круглощёкая девица, неожиданно шумно ворвавшаяся в комнату. Невысокая, пышнотелая, с пухлыми губами и тоненькими бровями, которые терялись на её широком лице. На девушке лет двадцати пяти на вид было надето необычное платье из травчатого люкзора (определение ткани, как-то само вдруг возникло в моей памяти). Его верхняя часть плотно обтягивала поистине выдающиеся формы, а вот юбка, собранная в небольшую складку на талии, свободно и естественно ниспадала на бедра. Туфли на высоком каблуке с большой пряжкой спереди, выглядывающие из-под подола, казались грубыми и

неаккуратно сшитыми. Рассматривая их, в моей голове всплыло незнакомое мне слово «Кром-вель», и я была уверена, что эти странные туфли назывались именно так.

– Мадам Делия, – испуганно выдохнула девушка, прерывая мои рассеянные мысли. На её лице неожиданно промелькнули бессильная злость и досада, но они тут же были стёрты ласковой, заботливой улыбкой, – мадам Делия, вам лучше? Как же я рада! А я говорила, что микстура вам обязательно поможет. Сейчас принесу вам завтрак, а после выпьем лекарство.

Заботливо воркуя, не дожидаясь моего ответа, девушка метнулась назад к двери и уже через секунду закатывала в комнату небольшой столик, на нём стояла миска с серовой массой, кружка с водой и бутылочка из тёмного стекла.

– Вы сегодня чудесно выглядите, – продолжала угодничать девица, бережно поправив на мне одеяло, – сейчас съедите кашу, силы к вам вернутся, и мы погуляем с вами по саду.

– Мне не хочется, Ора, – просипела хриплым голосом, отворачиваясь от поднесённой ложки с серой, не вызывающей аппетит кашей, – я хочу выпить чай.

– Но... мадам Делия, – жалобно застонала то ли сиделка, то ли служанка, притворно нахмутив брови, – вам нужно поесть... ну хоть ложечку.

– Нет, Ора, – твёрдо произнесла, с удивлением прислушиваясь к своему, но такому чужому голосу, вдруг потрясённо застыла, осознав, что мне знакомо имя девушки, которую я впервые вижу.

– Мадам Делия, мсье Эмиль будет недоволен, – укоризненно проговорила сиделка (а я почему-то находилась в полной уверенности, что эта девушка именно моя сиделка), она, вскоре мягко улыбнувшись, добавила, – тогда выпейте микстуру, а я принесу вам чай.

– С молоком и кусочком горького шоколада, – зачем-то уточнила я, послушно выпивая вязкую как патока и приторную как мёд жидкость, которая тотчас обжигающей лавиной, хлынула по моему горлу, растекаясь внутри, принялась терзать грудь судорожным кашлем. Следом острая боль пронзила живот, она рвала меня на части и сводила с ума, а голова медленно превращалась в сгусток невыносимой боли, и по мере того, как она усиливалась, неясные образы, чужие воспоминания становились чётче и насыщенней... пока благословенная темнота не поглотила мой разум, даря долгожданное облегчение.

Не знаю, сколько времени я пробыла в беспмятстве, но стоило мне только чуть приоткрыть глаза, как яркий свет больно по ним резанул. Пару раз моргнув, снимая белёсую пелену, я несколько мгновений лежала неподвижно, собираясь с силами, прислушивалась к телу. Голову больше не сдавливали тиски. В груди немного ныло тупой, тянущей болью. А туман, что заслонял неясные образы, наконец исчез, открывая мне чужие воспоминания, которые я принимала за свои. Было странно, но удивительно естественно прокручивать в голове сразу две параллели жизни... мою и Дель.

Сейчас обрывки воспоминаний будто в ускоренной перемотке складывались в правильную картину. Словно разбросанные пазлы, они собирали мою новую жизнь по кусочкам. Мои мысли стали живей, ярче, не скованные болью, они роились словно в пчёлы в потревоженном улье. Сопоставляя воспоминания моей предшественницы и свой небогатый опыт, мне стало многое понятно.

Делия Рейн – любимая дочь, обласканная и желанная. Она была тихим, послушным, мечтательным ребёнком. И она ничуть не изменилась, выросши и превратившись в красивую девушку. Отец её баловал, мать очень любила, но Дель никогда не злоупотребляла их добротой и щедростью, напротив, сама искренне любила маму и отца. Но как всегда в любых мирах, прекрасные и чудесные времена порой заканчиваются. По необъяснимым обстоятельствам родители Делии погибли, и в одночасье восемнадцатилетняя девушка осталась совсем одна. Растерянная, убитая горем, Дель доверилась другу и партнёру отца. Сначала положила на старшего Доумана и отдала ему в управление всё своё имущество и даже слугами в её доме он распорядился. Но и этого семье Доуман оказалось мало, красавец и любимец всех

молоденьких девиц не слишком долго усердствовал, соблазняя неискушённую Дель, и вскоре, выдержав положенное время траура, девушка вышла замуж за Фрэнка Доумана. А после, когда родился сын и наследник, её начали травить. Медленно, на протяжении целого года подливая яд, от которого Делии становилось дурно и мутился рассудок. И на этом Фрэнк не остановился, не жалея молодую супругу, показательно водил её по светским раутам, демонстрируя всем, как бедняжка болеет. А после сослал сюда, в старое поместье его бабки, в продуваемое здание, находящееся на окраине городка Диншоп. И вот уже не протяжении пяти лет никак не может дожидаться, когда жёнушка отдаст концы. Ведь согласно завещанию отца Делии, которое огласил поверенный, друг и свёкор в одном лице: «Единственной наследницей долины Рейн, кирпичного завода и прочих богатств остаётся Делия или её дети».

Спустя, наверное, час, приведя свои мысли в порядок, я с трудом приняла вертикальное положение и осмотрелась. Комната была пуста, утренние лучи проникали сквозь прозрачные занавески, заливая комнату мягким, приветливым светом. Боль в груди понемногу отступала, голова была ясной и полной идей, а душа требовала отмщения. Бедняжка Делия до самой своей смерти безоговорочно верила мужу, его отцу и своей сиделке, послушно выпивая яд, надеясь на излечение и скорую встречу с сынишкой.

Горестно вздохнув, я невольно покосилась на небольшой столик, который так и остался стоять рядом с моим ложем. Со злостью и праведным гневом взяла флакон с отвратительной жидкостью в нём, вертела и так, и эдак, глядя на отблески солнца на гранях закупоренной бутылочки, прошептала:

– Я уже не та Делия Рейн, любимый Фрэнк.

Глава 3

– Ора-а-а, – умирающим голосом простонала я, мысленно себе поаплодировав. У меня явно прогресс и стонать выходит с каждым днём всё лучше и лучше.

– Да, мадам Делия, – заботливо прошептала сиделка, склонившись ко мне так близко, что даже сквозь прикрытые веки я разглядела её веснушки, которые она тщетно старалась чем-то замазать. Девушка, затаив дыхание, пылливо всматривалась в моё лицо, наверняка разыскивая признаки моей скорой кончины.

– Мне плохо... воды, – просипела, вновь натужно закашлявшись, ещё и подёргалась в конвульсиях для пущей достоверности.

– Конечно, мадам, – радостно пискнула Ора, в одно мгновение покидая мои покои. Я же, стоило девице закрыть дверь, рывком поднялась, быстро схватила «микстуру», вылила её за кровать.

– Вот, мадам, – через пару минут появилась Ора, но я уже изображала из себя припадочную, тряслась, хрипела, даже подвывала и, видимо, делала это так убедительно, что подлая девица с удовлетворением прошептала, – уже совсем скоро, вот как пробирает.

Не знаю, как мне удалось сдержаться и не вцепиться в горло этой гадине, но я, лишь стиснув зубы и собрав простынь в кулак, ещё сильнее захрипела. Ора, вдоволь насмотревшись на моё представление, наконец ушла, оставляя меня в одиночестве, даже не позаботившись о том, чтобы поправить сползшее одеяло на болезной. И для надёжности посипев ещё несколько минут, я наконец смогла перевести дыхание и принять вертикальное положение...

Сегодня третий день, как я, придумывая любые предлоги, отвлекала сиделку и благополучно выливала отраву за кровать. После чего, театрально изображая боль, билась в конвульсиях и громко, протяжно стонала. Я даже научилась надолго задерживать дыхание, когда Ора склонялась надо мной, пытаясь определить, отошла я в мир иной или нет. И выслушав длинную тираду о том, какая я живучая тварь, радовалась как ребёнок, что выдержала ещё один неравный бой. Отмечая свою маленькую победу чуть желтоватой, с запахом болота водой из-под крана и недоеденным, забытым Орой сухариком. Есть и пить то, что приносила сиделка, я всё же опасалась. Но сегодня пора выбраться из покоев и осмотреться, в памяти Делии сохранились часть комнат и длинный коридор, но всё было весьма мутным и расплывчатым, что, впрочем, было и неудивительно.

На дело решила идти ночью, если Дель верно запомнила и поняла, то в поместье постоянно проживали: кухарка, служанка и сиделка. Остальных за ненадобностью Фрэнк давно считал. Ещё обитал муж кухарки, но тот жил в домике привратника и был нечастым гостем в поместье, всё чаще находясь в коматозном состоянии после ежедневной попойки. Конечно, за пять лет могло многое измениться, ведь с каждым приёмом «микстуры» разум Делии медленно умирал, и последнее время она вообще ни на что не реагировала и даже мысли о сыне уже не добавляли ей сил... это была жуткая, кошмарная и очень страшная смерть.

Подлый и жестокий поступок семьи Доуман, который нельзя оставить безнаказанным. Перебирая в памяти разрозненные кусочки чужих разговоров, невольным свидетелем которых стала Дель, я была уверена, что сделала правильные выводы. Конечно, я понимала, что это всего лишь мои домыслы, но уж больно они были похожи на правду.

Старший Доуман – друг и партнёр её отца, главный во всей этой ужасной схеме. Не удивлюсь, что и гибель её родителей – его рук дело. Мсье Стефтон и его сыновья не первый раз поправляют своё состояние за счёт наивных и влюблённых девушек. Правда, на старшем сыне они прокололись, обе его супруги покинули этот мир, каждая спустя год после замужества. Одна упала с лошади и свернула себе шею, вторая умерла родами. В обществе стали шептаться,

и третьей супругой братец Фрэнк пока не обзавёлся, хотя Дель давно не выходила в свет и могла попросту не знать об изменениях.

С ней же папаша Доуман решил быть осмотрительней. Они не спешили, медленно убивая девушку. На протяжении года показывая Делию друзьям и общим знакомым, сокрушались о её слабом здоровье, после они якобы отправили её лечиться на воды. Однажды, спустя два года «лечения» Фрэнк даже вывез её на званый ужин, где Делия выслушала кучу слёзных пожеланий скорейшего выздоровления. Выполнив долг, супруг снова оставил её в этом поместье, наказав Оре следить за любимой и «заботиться» о её здоровье. В конце концов им удалось выполнить задуманное, Дель ушла, а вместо неё невообразимым образом очнулась я... почему я? Для чего? Эти вопросы не давали мне покоя, но отвечать на них пока никто не торопился. А раз так, и мне выпал второй шанс, упускать его я точно не буду...

Для начала часть микстуры, что спаивала мне Ора, я перелила в небольшую баночку, в которой, судя по всему, ранее хранилась какая-то мазь, и спрятала её под матрасом. Я надеялась выяснить, что это за дрянь, как она влияет на организм, и попытаться узнать, кто поставляет эту пакость Фрэнку. Мне были нужны доказательства, чтобы уличить семью Доуман в смерти Дель... я понимала, что это ничтожно мало, тем более Делия вроде как жива, но не могла бездействовать.

Как и ожидалось, отказавшись от приёма «лекарств», мне стало гораздо лучше, кашель исчез, голова не болела, и в целом состояние было приемлемое. Я, конечно, ещё была слаба, и даже после нескольких шагов меня бросало в пот, а ноги предательски тряслись. Однако, с каждым днём силы прибавлялись и я, упрямо вышагивая от окна до кровати и обратно, укрепляла своё тело. Вот только меня смущало отсутствие аппетита, но, рассудив, что та серая масса, называемая сиделкой кашей, попросту отбивала у меня всю охоту поесть, я немного успокоилась.

Правда сегодня, когда я наконец решилась наведаться на кухню и проверить свою теорию, ведь там наверняка найдётся что-то повкусней вязкой жижи, но день как назло тянулся очень медленно. Я немного погуляла по полупустой комнате, понаблюдала в окно за лакомившимися спелой вишней птицами. Наверное, в пятый раз заглянула в ванную, радуясь наличию необходимых благ цивилизации. И пусть они выглядели слишком вычурно и причудливо, особенно когда солнечный свет отражался в начищенных до блеска медных боках, всё же их можно было использовать по назначению, что не могло меня не радовать.

Вообще, я очень спокойно, даже как-то отрешённо восприняла переселение своей души. Возможно, это влияние отравы, которой пичкали Делию. Или её память, что сохранилась и слилась с моей, не дала мне окончательно сойти с ума, так подействовала. Но даже рассматривая своё отражение в высоком, узком зеркале, я видела себя привычную. Чуть острый вздёрнутый нос, тёмный взгляд, лицо сердечком и пухлые губы были родными, знакомыми и не казались чужими. Всё окружающее виделось обыденным и в то же время занятым. Было интересно рассматривать старинную точилку для карандашей, которую с величайшей бережностью доставала из замшевого чехла Ора, одновременно осознавая, что этой крохе всего год, а до этого точилки были довольно громоздкими и неудобными. В кабинете отца Делии такая стояла, и в кармане её не поносишь.

Слушая недовольное ворчание Оры, которая мечтала прокатиться на первом колесе обозрения, а из-за меня она прозябает в поместье, я, немного теряясь в своих ощущениях, горя желанием впервые подняться высоко над землёй, одновременно понимала, что всё это у меня уже было... Странное несоответствие не страшило, но заставляло задуматься — останусь ли я или Дель полностью поглотит меня, безвозвратно стирая мои воспоминания, мою личность.

Глава 4

Прошло уже больше десяти ночей, как я брожу по поместью словно привидение. Я изучила почти все уголки старого, неухоженного здания, знаю, где находится комната сиделки, которая перед сном любит побаловать себя сладким пирогом и двумя кружками чая. Видела, куда прячет продукты кухарка, которые доставляет сюда какой-то прохвост, тот, что нагло обсчитывает успешно поворывающую женщину. Знаю укромный уголок, где милуется молоденькая служанка с парнями из ближайшей деревушки.

Сейчас я в полной темноте прекрасно ориентировалась в поместье, и мрачные углы совершенно меня не пугали. У меня даже появился удобный и любимый маршрут. Сначала заходила в схрон кухарки Мари, там я отрезала от копчёного окорока тоненький ломтик мяса, такой же кусок от булки, его щедро намазывала толстым слоем сливочного масла. Брала пару яиц, немного молока и горсточку крупы, шла на кухню готовить себе и завтрак, и обед, и ужин.

Насытившись, шла в небольшой кабинет, забиралась на широкий подоконник и, делая маленькие глотки горячего ароматного чая, наслаждалась тишиной и проникающим в окно серебристым светом от любопытно заглядывающей в комнату красавицы-луны. После, прогуливалась по длинным, узким коридорам, заходила в давно пустующие и грязные комнаты, делала немудрёные упражнения, с каждым днём чувствуя себя всё лучше и лучше. Правда, пару раз я едва не попала на глаза любвеобильной служанке Ните и её ухажёру, когда возвращалась из забега на кухню, но парочка была слишком занята собой, и я осталась незамеченной.

А вот свой первый выход из комнаты я, наверное, никогда не забуду. Возможно, в ту холодную и бесконечную ночь во мне окончательно слились две сущности: Делии и Дианы. Вероятно, именно в то туманное, безветренное полнолуние и родилась новая Дель...какая? Мне ещё только предстояло это узнать.

Той жуткой ночью, едва мне стоило переступить порог своей комнаты и очутиться в тёмном коридоре, из затаённых глубин сознания выполз необоснованный страх, сковывающий тело и разум. С каким трудом я, никогда не боявшаяся темноты, заставляла себя двигаться! Нетвёрдыми и робкими шагами пробиралась тёмным коридором всё дальше от своей комнаты. Страх, терзавший меня, с каждой минутой нарастал. Он сжимал горло, не позволяя вдохнуть, в глазах темнело и будто заволочло непроглядной пеленой, а тело сотрясало мелкой дрожью.

Это ни с чем не сравнимо, я никогда не испытывала такого ужаса. Казалось, что чудовища, которые терзали всех людей этого мира, вдруг разом пришли в тёмный коридор и вот-вот набросятся на меня всем скопом. Призраки прошлого летали рядом, и от малейшего сквозняка я испуганно вздрагивала. Ощущение, будто кто-то холодный, скользкий и мерзкий касается моих голых ног, ни на секунду не покидало меня.

Как было невообразимо сложно бороться с непреодолимым желанием рвануть назад в покой и, забравшись на кровать, укрыться с головой одеялом. Но я упорно шла, прикусив губу так, что во рту появился противный привкус железа, стиснув кулаки, до боли впиваясь в кожу ногтями. Я шаг за шагом двигалась по коридору, иногда жмурясь от накатывающейся паники.

И только когда я оказалась в холле с тремя дверьми и парой широких окон, сквозь которые в небольшую комнату проникал тусклый, серый свет луны, чудовища вдруг исчезли, безотчётный страх отступил, а сердце наконец забилось ровнее. Тогда, стоя у давно не чищенного камина, выводя завитушки на его пыльной полке, я почему-то была уверена, что больше такого не повторится. Что я прошла испытание, доказала, что достойна второго шанса.

С той ночи страх темноты действительно больше не появлялся. Мысли перестали метаться от одной жизни к другой, удивительным образом соединившись, а тело Дель стало невероятно быстро восстанавливаться. Что или кто вдруг повлиял на это и как такое вообще

возможно, я старалась не думать, просто приняла всё как есть... и продолжила знакомиться с миром, с новой собой, гуляя ночами по спящему поместью.

– А я говорю тебе, неладное творится здесь, – остановил меня шипящий голос служанки у самого порога кухни. Невольно отпрянув, не ожидая, что после двух ночи, кроме меня в поместье ещё кто-то не спит, я сдвинулась в тень и, скрываемая полумраком, принялась слушать.

– Бродит ночами кто-то, сама видела, как светлое пятно проплыло от кладовой к подвалу, – поддержала Мари, зловещим голосом предрекая, – не иначе за госпожой пришли, поди, помрёт несчастная.

– Может, муженёк твой бродит, – зло хмыкнула сиделка, чем-то звонко брякнув, – выпивку ищет, сама говорила, что продукты пропадают. А прислужники бестелесны, им есть не надо.

– Мой в ту ночь наклюкался вина дармового у дружка своего и спал беспробудным сном, – возразила кухарка, выдержав паузу, мрачно добавила, – надо бы пригласить кого, пусть на госпожу глянут, ведь столько лет страдает, авось...

– Нет! – резким окриком остановила кухарку Ора, чуть помедлив и сбавив тон, продолжила, – господин лучших лекарей к мадам Делии приглашал, никто не помог, так что нечего всяких шарлатанов подпускать к госпоже.

– Так, я ж как лучше хотела, – промямлила женщина, едва слышно проговорив, – в таком состоянии как у мадам Делии всякая пакость к ней идёт, душа-то у бедняжки изморённая, защититься не может... оно и притягивает.

– Боишься, что и тебя заодно с собой прихватят? – хохотнула сиделка, видимо, поднимаясь, так как за дверью тотчас раздался неприятный скрежет отодвигаемого стула. Опасаясь быть замеченной, к моему сожалению, что не удалось разведать побольше, мне пришлось спешно ретироваться и скрыться в своих покоях. Тщательно закрыв за собой дверь и запнув под кровать растоптанные тапки, я быстро забралась под одеяло, приняла привычную позу и замерла в ожидании. Но прошёл час, сиделка так и не появилась, и, с облегчением выдохнув, я приняла вертикальное положение, задумалась.

Сегодня мне снова повезло, и я осталась незамеченной, а ведь могла попасться, и кто знает, как скоро бы появился муж в поместье своей бабки, «обрадованный» моим выздоровлением. А я пока была совершенно не готова к встрече с благоверным. Каждый день, лёжа в кровати, приотворяясь полумёртвой, я ломала голову, с чего начать, как вернуть сына и наследство родителей. Но пока выходило, что ни друзей, ни знакомых, которые бы могли поддержать и помочь девушке, у Делии не было. А тот, которому она безоговорочно верила, оказался тем, кто желает ей смерти.

Подавленная нерадушными мыслями, я долго сидела на кровати не смыкая глаз. Мне до оскомины надоело это бездействие, я устала скрываться, таиться и притворяться немощной, а идеи всё не появлялись. Наконец, почувствовав, что мне во что бы то ни стало надо отогнать от себя тоскливые мысли, которые лишь угнетали, погружая меня и без того в упадническое настроение, я решительно поднялась.

Время давно близилось к рассвету, и обитатели поместья смотрели десятый сон, так что нарваться на кого-нибудь из них я не должна. Но всё же, обеспокоенная недавним случаем у кухни, я решила на этот раз не разгуливать по тёмным коридорам поместья, а проверить, куда ведёт узкая лестница в холле. Поднимаясь по скрипучим ступенькам, каждый раз невольно морщаась от, казалось, очень громкого скрежета и стонов старых деревянных перекладин, я, преодолев тридцать семь крутых ступенек, наконец выбралась на террасу и замерла в восхищении.

Поместье семьи Доуман расположилось на пологой возвышенности, и с небольшой террасы открывался чудесный вид на расстилавшийся всего в паре километров от него провинциальный городок Диншоп. Под серебристым светом месяца в эту ясную ночь были отличны видны окрашенные предрассветными сумерками в синий цвет густые кусты и невысокие дере-

вья, росшие по краю серого поля. А мерцающая в отблеске ярких звёзд река, плавно огибая остовы зданий, скрывалась за невысоким холмом, подле которого стояла полуразрушенная мельница. Сегодняшняя ночь была тёплой и удивительно тихой, а ласковый ветерок приносил к поместью терпкий запах реки, мха и болотных трав, растущих вдоль берега. За всё время моего пребывания в этом мире я впервые выбралась на улицу, и увиденное в очередной раз напомнило мне, что я всё ещё пленница этого мрачного дома и ненавистного мужа...

Печально вздохнув, я окинула беглым взглядом просторный двор, собралась было облокотиться на каменные перила, чтобы хоть полчаса полюбоваться прекрасным видом, когда услышала за спиной тихий шорох. И едва успела отскочить в сторону от кинувшейся на меня разъярённой сиделки. Лицо девушки, освещённое луной, казалось неестественно бледным и жутким, невольно напомнив мне просмотренные фильмы о зомби. От увиденного моё сердце тут же пропустило удар, а по спине поползли зябкие мурашки, но я была собрана и внимательно следила за каждым движением Оры.

– Тварь! Значит, я была права, – прошипела сиделка, её искажённое ненавистью и злобой миловидное лицо стало уродливым и жутким, – ты всё же не собираешься сдыхать.

– Нет, – коротко ответила, чуть отступая от явно невменяемой девицы, но та и не думала останавливаться. Издавая утробное рычание и выставив перед собой руки, Ора снова кинулась на меня... Бежать было некуда, терраса оказалась слишком мала для нас двоих и, сжав кулаки, я бросилась к ней навстречу.

– Сдохнешь! А господину скажу, что повредила умом и сама прыгнула с крыши, – зло хрипела сиделка, вцепившись в мою руку, второй толкала меня к краю, – тварь! Ненавижу тебя! Сдохни!

Изрыгая проклятия, Ора практически опрокинула меня через перила. От тотчас прострелившей боли в спине, ярости и злости, я взвыла раненым зверем. Исхитрилась подтянуть к себе ноги и что есть силы оттолкнуть сиделку так, что та впечаталась спиной в кирпичную стену.

– Только после тебя, – отрывисто бросила, морщась от боли, рванула к выходу, но сиделка решила довести до конца задуманное...

Боль, хрип, безумный смех Оры – всё смешалось в эти секунды. Не знаю, в какой момент я смогла вывернуть руку неугомонной девицы и толкнуть её в спину. Со стороны с ужасом наблюдая словно в замедленной съёмке, как старая кирпичная кладка под весом дородной Оры рассыпается и валится вниз, а за ней скатывается по черепичной крыше сиделка, и только у самого края девушка успела схватиться за выступ.

«Я её не вытяну. Позвать на помощь? Не услышат, а если да, то придётся объяснять, что делает на крыше госпожа, которая вроде как находится при смерти. И не уверена, что мне поверят, муж обставит всё так, что я и правда сошла с ума» – эти мысли промелькнули у меня в голове, пока я наблюдала за сползающей всё ниже сиделкой. Но стоило мне посмотреть в глаза пыхтящей и молчаливой девушке, колебания не заняли много времени. Это было моё решение и мой выбор.

– Твоя жизнь в твоих руках, – произнесла глухим голосом и, резко развернувшись, широким шагом отправилась к лестнице.

Глава 5

Благополучно добравшись до своей комнаты, я заперла дверь на ключ и на всякий случай подпёрла её оттоманкой. После, взобравшись на кровать, обхватила руками подушку, невидяще уставилась перед собой и погрузилась в тягостные думы. Первые минуты я порывалась вернуться на крышу и попытаться затянуть девушку на террасу. Но усилием воли напоминала себе, что Ора – враг. Она хладнокровно убивала Дель и в итоге добилась своего. Она пыталась убить меня, и только волею случая мне удалось спастись. Отрешено взирая на светлеющее небо за окном, я прислушивалась к звукам в доме, но сегодня стояла странная, гнетущая тишина. Не было привычного скрипа старых половиц, едва слышного завывания ветра в стенах и шороха вездесущих мышей, все этой ночью замолкли и будто затаились. Не знаю, сколько я так просидела в тревожном ожидании, но, в конце концов, усталость взяла своё, и беспокойный сон всё же сморил меня...

Пробуждение было мгновенным, неясный звук голосов ворвался в мои кошмарные, прерывистые сновидения, заставив насторожиться. Резко сев, я затаила дыхание, напряжённо прислушиваясь. К комнате шли, их было по меньшей мере трое, два голоса принадлежали мужчинам, а вот третий был мне знаком, так торопливо и немного картавя говорила кухарка Мари. Осознав, что незваные гости сейчас попытаются войти в покои, а дверь заперта и подпёрта, я пулей слетела с кровати. Сдвинула в сторону оттоманку, повернула ключ, метнулась назад к постели. И едва успела укрыться тонким одеялом, в дверь постучали и, не дожидаясь позволения войти, прошли двое невысоких, в тёмных одеждах, худощавых мужчин и пышнотелая кухарка.

– Вот видите, господин, – проямлила женщина, махнув в мою сторону, – почти и не поднимается, покойная Ора сказывала, что и не говорит мадам совсем.

– Хм... простите, мадам Делия, что ворвались к вам вот так, но мы вынуждены вас побеспокоить, – заговорил тот, что посветлей, с сочувствием на меня посмотрев. Изнеможенное лицо, выпирающие скулы явственно указывали на мою продолжительную болезнь, а вот тёмные круги под глазами уже приходилось подкрашивать сажей из камина.

– Что-то случилось? – просипела я, за время притворства научившись умело менять тембр своего голоса.

– Ваша сиделка... Ора, она сорвалась с крыши и погибла. Девушка не говорила вам, зачем ей потребовалось подниматься на террасу?

– Нет, мсье... – произнесла, мгновенно ощутив невероятное облегчение. Жестоко – да, было мне её жалко – нет. Ора сделала свой выбор, как, впрочем, и я, и нам обоим придётся нести ответ за свои поступки.

– Этан, мадам, – подсказал светловолосый, прерывая мои мысли. Второй мужчина зорким взглядом осматривал мои покои, надолго задерживая свой взор на мебели, стенах и камине, кстати, давно не чищеном.

– Мсье Этан, большую часть дня и ночи я сплю, и с Орой мы почти не разговариваем.

– Что ж, Мари сообщила нам, что у вашей сиделки здесь никого из родных не было, – произнёс темноволосый, наконец удовлетворив своё любопытство, – ближайшие родственники находятся в Чартмассе, за три фаринга мы организуем похороны в Диншоппе.

– Не беспокойтесь, мсье Дакс, господин оставил монет на непредвиденные расходы, – поспешила сказать Мари, заискивающе улыбнувшись, – идёмте, я вас напою чаем, поди, продрогли.

– Мадам Делия, ещё раз прошу нас извинить, – смущённо произнёс мсье Этан, последним покидая мои покои.

– Это ваша работа, – мягко улыбнулась мужчине и, едва дождавшись, когда шаги в коридоре затихнут, с шумом выдохнула. Всё же быть графиней, пусть и сосланной мужем в провинциальный Диншоп, выгодно. Будь я обычной горожанкой, уверена, этот темноволосый от меня так просто бы не отстал, от одного только его цепкого взгляда меня пробирало до костей. А с каким подозрительным прищуром он смотрел на оттоманку, которая явно находилась не на своём месте, но ни сил, ни времени вернуть её назад у меня не было.

Только спустя час я пришла в себя и смогла сползти с кровати. Умываясь в ванной, отметила два больших синяка на плече, ссадины на локте и запястье, мысленно порадовавшись, что не вытащила руку из-под одеяла, и содранные костяшки остались незамеченными. Тело, и без того слабое, после борьбы с ненормальной жутко болело, казалось, каждую мышцу тянуло, и застань меня сейчас врасплох – констебли увидели бы бледную, измученную, с паклей тусклых волос на голове девушку, которая едва передвигала ногами. Как я умудрилась так быстро вскочить с кровати и отодвинуть оттоманку, осталось для меня загадкой. Вернувшись в постель, я долго разглядывала разбегающиеся в разные стороны трещины на потолке, раздумывая, как дальше быть.

Весь день я провела в покоях, ко мне больше никто не зашёл, и даже кухарка со служанкой ни разу не заглянули поинтересоваться, чем помочь болезной. Остатки бутерброда, половинку недоеденной вчера булочки я давно благополучно умяла, запив свой скудный завтрак и обед чистой водой, заранее припасённой в кувшине. Прогулявшись по комнате, давно зная наизусть, сколько шагов между стенами, я с нетерпением ждала полуночи, когда немногочисленные обитатели заснут и можно будет пройтись по дому.

Но каково же было моё удивление, когда, привычно пробираясь мимо комнаты кухарки, я не услышала протяжный с посвистыванием храп, а из каморки служанки не раздавалось довольного посапывания. Неверуя и не решаясь заглянуть в комнату к Ните, я рванула к схрону Мари, через пару минут с удивлением смотрела на пустые полки.

– Ушли? Они ушли? – оторопело пробормотала, откинув крышку ларя, в котором некогда лежали крупы, но сейчас заботливо разложенные мешочки попросту исчезли. Я ошеломлённо просипела, – вот так легко оставили больную Дель и ни слова не сказав ушли? Что за люди-то здесь такие?

Моё потрясение было настолько глубоким, что я некоторое время бездумно пялилась на свисающие с потолка железные крюки, на них ещё прошлой ночью висели окорок и головка сыра. Наконец, окончательно продрогнув в холодной кладовой, я очнулась и устремилась к выходу, решив всё же проверить комнаты Мари и Ниты. И вскоре убедилась, что вещи, как и сами кухарка и служанка, исчезли, отправилась на кухню. Там, перерыв шкафы и полки, насобирала небогатый улов, прикинув, что найденных продуктов мне хватит всего на неделю. Быстро приготовила для себя постную кашу, заварила чай и вприкуску с зачерствелой булкой поужинала.

Утолив голод, я решительно устремилась в свои покои, там, сменив сорочку на тёплое платье, отправилась в комнату сиделки, мысленно надеясь, что сбежавшие Мари и Нита не обчистили покойную. Мне повезло, не знаю, что сподвигло слуг покинуть поместье, может страх, но комната Оры казалась нетронутой и удивительно уютной. Она явно некогда принадлежала хозяйке этого поместья, а не служанке. Здесь имелся секретер из тёмного, отполированного до блеска дерева. Мягкие кресла с пухлыми на них подушками, на которых были вышиты прекрасные сказочные цветы и животные. Пушистый ковёр устилал пол целиком, ступая по нему, мои ноги утопали в высоком, мягком ворсе. Огромная кровать с ярким покрывалом и горой подушек на ней. Две прикроватные тумбочки из того же дерева, что и массивный шкаф. Большой камин был чист, а на его полке стояли чудесные фарфоровые фигурки: девушек с букетами и корзинками, парней с тростью и в шляпе, и пастушка, играющего на дудочке. Тёмные парчовые шторы закрывали широкое, сверкающее чистотой окно. Оттоманка, пуфик,

кресло, письменный стол... комната на мой вкус была захламлена мебелью, создавалось впечатление, что сюда стащили всё более-менее лучшее, что находилось в этом поместье.

Вдоволь насмотревшись и в очередной раз удостоверившись, что к Дель здесь относились точно не как к госпоже, я устремила к секретеру. Но проверив все шкатулки, баночки и мешочки, нашла лишь украшения: медное колечко с зелёным камешком, короткую нить из красных бусин и пару фарингов. Монеты были своевременной находкой, ведь в моих покоях не было и сима, но пока мне нужны были письма или хоть что-нибудь, что поможет уличить моего мужа в покушении на убийстве. Но и в столе, как и под матрасом, в шкафу, под креслом я ничего не обнаружила. Медленно опускаясь на кровать, невольно отметив, насколько матрас мягче и пружинистей моего, я устало прикрыла глаза. Доказательств нет, подсказки тоже, что дальше делать – я не знала.

Глава 6

В свои покои я вернулась спустя час бездумного метания по комнате Оры. Вымотав себя хождениями, я надеялась, что это поможет мне уснуть быстрее, а сон будет крепок и без пугающих кошмаров. Но прокрутившись около двух часов на жёстком матрасе, я только к рассвету забылась тревожным сном.

А вот пробуждение было отличным, впервые я без опаски быть застуканной поднялась с постели. Впервые я с беспокойством не прислушивалась к звукам, ожидая, когда в комнату войдёт Ора и мне снова придётся биться в припадке и придумывать причину, чтобы отвлечь сиделку и не пить поданную ей отраву. Комната, казавшаяся ночью такой подозрительной и страшной, теперь будто улыбалась, а ослепительные солнечные лучи, танцующие на оконных стёклах, заливали золотом пыльную поверхность мебели и гнали прочь ночные тени.

Разноголосое пение птиц за окном сегодня было настолько звонким и переливчатым, что ноги сами выбивали чечётку им в такт. Подойдя к окну, я впервые отворила его настежь, впуская в затхлое помещение свежий воздух с запахом свежескошенной травы, приправленный приторным ароматом роз и пряным духом холодной реки. С каким непередаваемым удовольствием я, перевалившись через подоконник, наблюдала, как холеная кошка, забыв об охоте, сидела и шурилась на золотые клочки, пробившиеся сквозь густую листву яблони, и даже скачущая на расстоянии всего одного прыжка белопузая птица не привлекала внимание рыже-шёрстной красавицы. Глядя на всё это, вдыхая дивный аромат, доносившийся с улицы, мне хотелось прыгать, кричать и дурачиться.

Наверное, только через час, насладившись солнцем, голубым, без единого облачка небом, пением птиц и отдалёнными звуками соседней деревушки, я, приведя себя в порядок, устремилась на кухню. Там, приготовив немудрёный завтрак, быстро поела и отправилась обследовать поместье при свете дня, решив для начала проверить наличие запоров на всех дверях и окнах. Мне совсем не хотелось однажды проснуться и встретить в покоях забравшегося в дом воришку. Но едва я переступила порог кухни, чуть притормозив в коридоре, раздумывая, в какую сторону податься, в холле послышался стук захлопнувшейся двери и шорох, как будто кто-то шаркающей походкой двигался в мою сторону...

На миг растерявшись, я всё же быстро пришла в себя и вскоре стояла с огромным тесаком в руке, прикрываясь большим столом. Но тот, кто направлялся в кухню, явно не спешил, отчего с каждой секундой моя безрассудная отвага сбавляла обороты, и я всё чаще трусливо поглядывала в сторону окна. Но вот дверь толкнули, и моему взору предстал лохматый, седовласый мужчина лет пятидесяти. Вся его одежда давно требовала тщательной штопки и стирки, ботинки с отваливающейся подошвой на правой ноге пора выбросить, так как судя по их виду, они не подлежали ремонту. В топорщащейся в разные стороны бороде запутались в седой пакле два репья от лопуха. Старик, увидев меня, ошарашенно застыл у порога, очумело, словно мокрый пёс, потряс головой, зажмурился так, что изрешеченное морщинами лицо собралось у большого красного носа. Пару минут потрясённый мужчина стоял с закрытыми глазами и, казалось, не дышал, но вот он чуть приподнял веки, рвано выдохнул.

— Мадам Делия?!

— Да, а вы, любезный, кто? — ровным голосом проговорила, скрывая нож в складках шерстяного платья.

— Шилох, муж этой... как её, — запнулся мужчина, растерянно почесав свою бороду, поймал пальцами репей быстро вытянул, пряча её в кулаке, смущено пробормотал, — простите.

— Наверное, муж Мари? — подсказала старику, наблюдая, как Шилох старательно отряхивает с рубахи солому, веточки и прочий мусор.

– Угу, этой, – кивнул привратник, или кем он там служил в этом поместье.

– Ушла она, – коротко ответила, прошла к кувшину, налила полную кружку воды, поставила перед стариком.

– Как ушла? А я? – рассеянно пробормотал привратник, благодарно улыбнувшись, одним большим глотком осушая кружку, снова заговорил, – а куда?

– Не сказала, – хмыкнула, не зная, что мне делать с этим человеком, толку от него никакого, одна головная боль.

– Поди, к ведьме подалась, – добродушно бросил Шилох, наконец поставив кружку на место, и, чуть помявшись, спросил, – а она ничего не оставила? Там... в ларе?

– Здесь? – уточнила, показывая на небольшой ящик, стоящий у стены за шкафом, – нет, пусто.

– Вот жеж, вся в мать! – выругался старик, сердито заворчав, явно позабыв где и с кем находится, – сколько я ей сделал, а? В шелках ходила, бусы дарил, а какой дом поднял. Так нет, занедужил – так всё, не нужен стал, хвостом вилять начала, а после вообще к господам устроилась и сестрицу с собой... эту девку гуляща... ох, простите госпожа, забылся.

– Ты есть хочешь? – спросила, заметив голодный блеск серых глаз, с трудом скрывая улыбку, добавила, – за стол в таком виде не пушу, иди мойся и одежду что ль смени, а нет, вычисти её хорошенько.

– Я мигом, госпожа! – воскликнул старик, шустро рванув к выходу. Я же, усмехаясь, прошла к столу, принялась разогревать остатки каши. И нет, нянчиться с ним я не собиралась, у меня своих проблем хватает. Вот покормлю в благодарность за простой, такой обыденный и душевный разговор и отправлю к супруге, пусть сами разбираются, кто там у них ведьма.

Шилох вернулся довольно быстро, я только успела снять с плиты кастрюлю. На старике была всё та же одежда, но она была чистой, по крайней мере, трава и птичьи перья уже не висели наградами на его груди. Волосы, борода и кустистые брови были мокрыми и тщательно приглаженными, отчего у Шилоха был вид прилизанного франта. Мужчина оказался отличным гостем и прихватил с собой три краснобоких яблока, которым я была несказанно рада. Мои остатки каши, которую я планировала растянуть на ужин и завтрашний завтрак, он умял за считанные минуты и, сыто шурясь, отодвинув от себя пустую тарелку, проговорил:

– Спасибо, мадам Делия, спасли от голодной смерти. Чего все болтают, что господа злы и дурны, хотя мсье Сефтон и его мальчишки... ох, простите, мадам, – снова забылся старик, понуро опустив голову, прошептал, – Мари всегда пеняла мне, что я много болтаю, вы это, госпожа, вижу лучше вам... рад очень. Вы надо чего, говорите, я в домике живу у ворот.

– Продукты нужны, – с усмешкой ответила, рассеянно постукивая пальцем по столу, думая, стоит ли связываться с пропойцей.

– Так три дня назад Вуди привозил, неужто нет? – с недоумением воскликнул Шилох, оглядывая кухню, – может, в кладовой и погребе лежат? Видел, окорок хороший парнишка нёс. Вы, госпожа, Ниту позовите, она мигом подаст.

– И Нита ушла, и Мари, вот и продукты с собой прихватили, – снисходительно улыбнулась расстроенному Шилоху.

– Вот ведь гадина! Вся в мать, – снова выругался старик, пристыженно сжав плечи, – вы уж простите, госпожа, и не сердчайте, бабой она всегда была жадной...

– Угу, так что? Подскажешь, где продукты можно купить? В деревне? Или в город надо податься? – остановила мужчину, не желая слушать ничего о его жадной и подлой жене и, как выяснилось, сестрице Ните.

– В деревню, я так мыслю, госпожа, ближе, но они ж до рыночного дня и не продадут ничего, – почесал голову старик, невидяще уставившись в окно, – в город не дойдёте, вон светитесь вся. Двуколка есть, правда старая, скрипит, но я подправлю. Но вот запрягать в неё некого, это не карета безлошадная, на которой вас мсье Доуман привёз сюда... кхе-кхе. У друга

коня возьму, одну-то вас Борт доставит, вы не беспокойтесь госпожа, я всё устрою. А Мари... у, гадина! Вы только констеблям не пишите, я сам проучу дурную бабу.

– Не напишу, – пообещала мужчине, который даже сейчас беспокоился о своей жене, уточнила, – спасибо, Шилох, когда ждать тебя с двуколкой?

– Так, к вечеру будет готово, но в Диншоп лучше утром ехать, там и в лавках товар незалежанный, и цену сбить можно.

– Договорились, утром у ворот встретимся.

– Выполню, госпожа, как сказывал, – заверил меня старик, правда, веры у меня к нему не было, кто знает, может, змия зелёного встретит и забудет все свои обещания. Но пока выбора у меня особо нет, да и пешком в город, боюсь, сил добраться у меня действительно не хватит. Так что ждём завтрашнего утра, а дальше – по обстоятельствам. Мысленно выстроив план на ближайшие пару дней, я проводила Шилоха к выходу, заперла входную дверь, чтобы больше незваные гости в поместье не забредали. Отправилась выполнять задуманное – проверять запоры и засовы. Закончила я с неотложным делом только поздним вечером, изгваздавшись в пыли и паутине, смыв с себя всю грязь холодной водой, так и не сообразив, куда девалась горячая. Выпила кружку чая, закусив его остатками чёрствой булки, отправилась спать, пожелав себе перед сном, чтобы Шилох выполнил данное им обещание.

Глава 7

– Госпожа! Мадам Делия! – разбудил меня настойчивый крик, идущий из сада. Рывком сев на постели, я некоторое время с недоумением смотрела в окно, где только-только предрасветные сумерки окрасили розовым серое небо, пока до меня не дошло, что это зовёт меня Шилох. Слетев с кровати, я быстро пересекла покои и, распахнув окно, выкрикнула:

– Уже спускаюсь!

– Я у ворот, госпожа, вас жду, – отозвался мужчина, шаркающей походкой двинулся к шипастому кусту старой розы, за которой скрывалась заросшая бурьяном тропинка.

Умыться, причесаться и одеться я умудрилась за каких-то пятнадцать минут. Схватив с прикроватной тумбочки два фаринга, те, что нашла у сиделки, я поспешила к выходу. И уже через пару минут, затаив дыхание, выбралась на волю. Сегодняшний день обещал быть тёплым и солнечным, правда, воздух был ещё по-утреннему свеж, а ветер прохладен. Но всё же на улице, среди зарослей розовых кустов и сорняков, находиться было куда приятней, чем в старом, пропахшем затхлостью, а ещё сыром поместье. Замерев на секундочку у разлапистой сирени, прикрыв глаза, я сделала глубокий вдох, втягивая в себя ароматный воздух, наслаждаясь чудесными мгновениями.

– Теперь пора, – сама себе шепнула и, едва не подпрыгивая от переполнявших меня эмоций, устремилась по выложенной камнем дорожке. На ходу разглядывая полуразвалившуюся беседку; скамейку, увитую вездесущим плющом; ведущие в сад тропинки, заросшие сизым мхом. Огромное дерево с необъятным стволом заслонило собой небольшой искусственный прудик, в котором обосновались две утки. Увлечённо рассматривая владения семьи Доуман, я незаметно для себя добралась до покосившегося крохотного домика, от которого когда-то тянулся забор, сейчас от него остались лишь несколько накрёнённых столбов. А вот ворота уцелели, кованые, поеденные ржавчиной, сейчас они были открыты и, чуть раскачиваясь от собственного веса, протяжно стонали.

– Госпожа, уж не обессудьте, только эта двуколка в поместье Доуман имелась, – проговорил Шилох, замерев возле маленькой кареты, потрёпанной, пошарпанной и повидавшей жизнь.

– Ничего, главное, что она доставит нас в Диншоп и обратно, – ответила, с опаской и под грустный скрип забираясь в транспорт, с удивлением огляделась. Двухколёсная тележка была чистой, у неё имелась деревянная, обитая кожей лавка; верх, поддерживаемый четырьмя железными прутьями, на которых была натянута брезентовая ткань. По замыслу создателя она должна прикрывать головы пассажиров от палящего солнца, ну и, наверное, защищать от дождя, но как бы я ни разместилась на твёрдой скамейке, крыша заканчивалась или на моём затылке, или в районе груди. Наконец, найдя удобное положение, я, коротко кивнув, проговорила:

– Трогай!

Шилох после моей команды легко взлетел на облучок, прикрикнул на серую маленькую лошадку, направил двуколку по ухабистой дороге. Сначала я с интересом исследователя рассматривала холмистый пейзаж: редкие деревья и кустарники, жёлтые и чёрные поля, остовы заброшенных домов, но вскоре однообразие мне наскучило, и я, откинувшись на деревянную спинку, задумалась.

Обнаруженные у Оры две серебряные монеты – это немного, но и немало. Да, на эти деньги особо не разгуляешься, но минимальный набор продуктов купить можно. И прожить в поместье ещё пару месяцев, не заботясь о пропитании, а вот что дальше? Попытаться на эти деньги добраться до Ранье, нагряться в дом, принадлежавший Дель – рискованно. Меня там же тихо прибудут и под кустом в саду закопают. Отправиться к констеблям и всё им рассказать?

Нужны доказательства, моё слово против слова Сефтона Доумана, опять же проще прикопать. Перебраться поближе к дому, следить за мужем и его отцом? У меня отсутствует опыт в таком непростом деле...

– Госпожа, на площади Турса продукты лучше не покупать, там завсегда дороже было и часто несвежее предлагают, – прервал мои тягостные мысли Шилох, закатывая двуколку в ворота городка. Задумавшись, я даже не заметила, как быстро мы добрались до Диншопа, и теперь с любопытством осматривалась.

– А где дешевле?

– У порта Аттур, там местные берут, а в Турсе гости заезжие монеты тратят, – хмыкнул старик, замедлив ход двуколки, – куда едем, госпожа?

– В Аттур, – ответила, скользя взглядом по вывескам двухэтажных кирпичных зданий, едва слышно вслух прочла: «Харчевня Пелена, вареная и жареная рыба, отдельные кабинеты для компаний», хм... привлекающее название.

– Посторонись! – прикрикнул Шилох на дворников, которые, словно косари, синхронно размахивая мётлами, поднимали пыль возле длинного здания, похожего на контору. Тех приказ возникшего лишь раззадорил, и двое парней стали усерднее мести мощённую камнем дорогу.

– Вот ведь шельмы! – выругался мой привратник, понукая серую быстрее проскочить хамоватых дворников, – была б карета побогаче, они б шляпами перед вами, госпожа, двор мели.

Отвечать на замечание не стала, и без того понятно, что госпожой меня сейчас делает только статус графини, а в остальном я наверняка не богаче самого Шилоха. Поэтому продолжила изучать провинциальный городок. Его невысокие дома, многочисленные торговые лавки, прохожих, зазывал и воришек. Диншоп был небольшим, растянутым вдоль побережья широкой реки Аттур. Городок чем-то неуловимо напоминал мне старую Англию, те же переулки, домики, вывески. По улицам лениво прогуливаются констебли, мимо проносились спешащие кебы. Мужчины в элегантных костюмах и с тростью. Женщины в основном были одеты в юбку и жакет из тонкой шерсти. Ощущения, что я провалилась в прошлое, и чувство узнавания всё ещё продолжали во мне бушевать, но это уже не так меня пугало.

Река предстала перед нами неожиданно. Она искрилась и сверкала, над нею поднималась лёгкая дымка испарений, а благотворная утренняя свежесть ещё не исчезла под лучами палящего солнца. По широкой водной глади плавно скользила баржа, настойчиво прорезая себе путь между больших гружёных судов. На одном из таких, стоящем на якоре, команда принимала новый груз. На берегу зорко следили за огромными тюками два матроса и собака, которая без усталости облаивала взмывающих в небо чаек.

– Прибыли, госпожа, – объявил Шилох, останавливая двуколку возле кособокой конторки, у её дверей на старой бухте от каната сидел беззубый мальчишка лет семи и смачно сплёвывал в миску шелуху от семечек, – мадам Делия, вон в тот переулок зайдём – и будет рынок, там в основном рыба лежит, потому запах неприятный, но в конце рядов стоят знакомцы, у них и товар отличный, и берут недорого.

– Веди, – улыбнулась мужчине, хоть было и немного страшно вот так довериться совершенно незнакомому человеку. Но выбора у меня нет, отправься я сюда в одиночку, мне бы тоже пришлось спрашивать у людей, как и куда пройти, и кто знает, что бы из этого вышло.

– Вы только, госпожа, дальше доков не ходите, а лучше будьте рядом, места здесь нехорошие, – предупредил Шилох, ступая следом за мной, время от времени тихо подсказывая, куда свернуть. И уже через десять минут, выйдя из очередного проулка, меня едва не сбил с ног крепкий дух рыбы.

– Вонь не для такой дамы, как вы, госпожа, – смущённо пробормотал старик, взглядом показав направление, – немного осталось, три ряда, а там и воздух посвежее, и откусать можно.

– Было бы отлично, – поддержала предложение, почувствовав сильный голод, да и от чашки чая я бы тоже не отказалась.

– Сосед мой с семьёй перебрался сюда, харчевню открыл, готовит его супруга хорошо и сытно, к ним заглянем. Он с меня по старому знакомству плату не берёт, ну и за вас попрошу, госпожа.

– Сначала покупки, – предупредила Шилоха, не желая никому быть должной, – скоро уже?

– За этим поворотом, – ответил старик, и правда, сделав десяток шагов, мы наконец выбрались из душного рыбьего плена, очутившись на небольшой площади, обдуваемой свежим ветром с реки. Жадно хватая живительный воздух, я тотчас закрутила головой.

Столы, выстроенные в два ряда, были сплошь заставлены товаром. Чего здесь только не было: мясо, птица живая в клетках и тушками, сыры, колбасы, хлеб, сладкие булки, крупы и мука. Свечи, масло для ламп (хотя в поместье было проведено электричество), обувь, одежда, ткани. На одном из столов лежали ножи, топоры и прочие колющие и режущие предметы, которым я затруднялась даже дать название. Краем уха слушая бесконечное бормотание идущего следом за мной старика, я ненадолго замерла у столика с разложенными на нём украшениями. Здесь преобладали камни, ракушки и железо, но всё было так искусно выполнено, что я не могла не остановиться, наверное, это промедление и помогло мне заметить вальяжно прогуливающегося между рядов констебля Дакса. Не желая быть замеченной мрачным мужчиной с цепким взглядом, чтобы не вдаваться в объяснения, почему мадам Делия, ещё совсем недавно находящаяся при смерти, сейчас разгуливает по рынку в Диншоппе, я, пятясь вдоль ряда сыров и колбас, обнаружив небольшую щель между столами, быстро нырнула в тёмный переулок. Но сделав всего пару шагов, едва не наскочила на трёх мордovorотов звероподобной внешности.

– Ооо! Красотка, составишь нам компанию? – протянул один из них, сверкая шербоxатой улыбкой, – выпивка на наш счёт.

– Бор! Заткнись, он уже рядом! Сначала дело, потом девки! – прошипел на беззубого тот, чьё лицо было изъедено оспами, бросив на меня презрительный взгляд, рыкнул, – пошла отсюда.

Дважды упрaшивать меня было не нужно, подхватив подол длинного платья, я рванула из тёмного, вонючего переулкa, спеша оказаться подальше от этих головорезов. И только выскочив на улицу, где прогуливающиеся мужчины и женщины были похожи на добропорядочных жителей, я с облегчением выдохнула, ноги чуть подкосились, а сердце застучало ровнее.

– Надо же было ему именно сегодня прийти на рынок, – сердито прошипела, озираясь. С привратником мы где-то разминuлись, и придётся самой выбиратьcя отсюда. Наконец, выбрав безопасный выход на рынок, в который только что прошли две милые дамы, я, расправляя чуть примятый подол, пробормотала, – надеюсь, Шилох меня уже ищет.

– Мадам, это вы мне? – прервал моё бурчание невысокий, худой, с проникательными голубыми глазами мужчина.

– Нет, – коротко ответила, неловко улыбнувшись.

– Понимаю, я тоже порой предпочитаю поговорить сам с собой, занятная беседа иногда выходит, – произнёс мужчина, чуть склонив голову, добавил, – позвольте продолжить свой путь.

– Эээ... я бы на вашем месте поменяла маршрут, если вы, конечно, не спешите на встречу к трём внушительных размеров приятелям, – предупредила, заметив, как он заворачивает к переулку, откуда я только что спасалась бегством.

– Благодарю, – лукаво подмигнул весельчак и, резко развернувшись, направился в противоположную сторону. Я тоже не стала больше задерживаться и устремилась на рынок к Шилоху, спеша скорее закончить с покупками и покинуть негостеприимный Диншоп.

Глава 8

После неудачного посещения соседнего городка прошло уже три дня. Всё это время я без устали исследовала пустующие комнаты, обнаружив в одной из них тайник в стене, в котором лежал мешочек с тремя фарингами и любовной запиской от некой Летты. Находке я была рада, ведь после закупа необходимых продуктов в моём кармане грустно звенела горстка медных монеток, на которые можно было купить лишь пять булок серого хлеба, три литра молока и одну тушку птицы. Две других комнаты порадовали меня хорошей, крепкой обувью, которая пришлась мне впору, и тёплой курткой, её требовалось починить, но всё же она была ещё вполне сносной.

Кстати, я разобралась с горячей водой, и теперь за два часа до принятия ванны я в небольшой каморке за кухней растапливала печь, которая, в свою очередь, нагревала бак. А вот воду в него заливал Шилох, оставшийся вместе со мной в поместье. Питть старик не бросил, но делал это умеренно и вечерами, когда был уверен, что я его уже в дом не позову. О том, что он всё же употреблял, указывала лёгкая помятость и отёчность лица, неприятный запах и жажда. Учить и совестить взрослого человека я не видела смысла, пока его пагубное пристрастие мне не вредит, да и помощь от мужчины была, поэтому мы мирно с ним сосуществовали. Шилох управлялся с делами, где требовалась мужская сила, в благодарность за работу я его кормила. Не знаю, как долго эта мирная и спокойная жизнь ещё продлится, но что-то неясное меня подгоняло, настойчиво шепча быстрее покинуть это место. И я искала, я была уверена, что у сиделки был тайник, и то, что в нём хранится, мне обязательно понадобится, но вчерашние поиски тоже ничего не дали...

– Мадам! Ох, мадам Делия! – пронёсся мимо окна Шилох, перепугав меня своим очумелым, невидящим взглядом. Мужчина, влетев в холл, ошеломлённо крутил головой и казался мне растерянным.

– Что случилось? – потребовала, заглядывая за спину старика, но за ней никого не было, на улице всё так же светило солнце, а розовые кусты вроде бы стали шире и гуще.

– Ох, мадам, Мари с матерью... ведьмой этой и сестрицей своей в доме угорели, – выпалил привратник, найдя меня взглядом, как будто чуть успокоился, – сосед приехал... поведаль. Госпожа, мне бы в деревню, похоронить надобно... говорил им заслонку открывать, а нет, всё забывали.

– Иди, конечно, – отпустила привратника, которому, впрочем, и не могла запретить, так как жалования я ему не платила и об этом сразу предупредила.

– Я, как управлюсь, вернусь, – пообещал старик, шустро разворачиваясь, на ходу добавив, – воды в бак залил и дрова готовы, вы уж сами, госпожа, в кухню занесите.

– Не волнуйся, я справлюсь, – заверила мужчину, провожая взглядом сгорбленную спину. Каким бы ни казался Шилох нечутким и закорюченным, всё же смерть жены и её родных выбила из-под его ног почву.

Дождавшись, когда привратник скроется за раскидистым деревом, безрезультатно прогоняя мысли о возмездии, я заперла входную дверь и снова отправилась в комнату сиделки. И спустя час, ругаясь как заправский разбойник, пыхтя и отдуваясь, наконец сдвинула массивный шкаф, принялась исследовать каждый скрывавшийся за ним кирпичик. Но всё было впустую, тайник не нашёлся, а чтобы разобрать поместье по камешку... на это уйдёт слишком много времени, а его у меня нет.

Оставив комнату в полном хаосе, я, едва поднимая ноги, отправилась на кухню, выпив там чай (есть совсем не хотелось), двинулась в свои покои. День давно подошёл к концу, на улице ни зги не видно, а в поместье на холме во всех комнатах до сих пор горел свет, привлекая ненужное мне внимание. И только спустя ещё час, разобравшись с домашними делами, умыв-

пшись и сменив платье на ночную рубаху, я улеглась в постель и ещё долго невидяще пялилась в темноту, пока сон не сморил меня.

Утром, как обычно, приведя себя в порядок, быстро выпив чаю с бутербродом, я отправилась на очередные поиски, вот только на этот раз решила начать с первого этажа, минуя жилые графские покои. Кладовка и погреб мной были давно исследованы и туда я не стала заглядывать, а вот прачечная, бывшие комнаты Мари, Ниты и две пустых я ещё не проверяла.

В небольшой прачечной управилась быстро, там было сыро, и я сомневалась, что кто-то рискнул бы оставить в ней хоть что-то мало-мальски ценное. Комнаты Мари и Ниты я сегодня решила исключить, навряд ли Ора прятала бы письма у них под носом, а вот две пустующие комнаты для слуг я решила тщательно обследовать. И в первой же клетушке мне повезло, я обнаружила небольшую выемку в стене за полкой, туда, судя по пыли, давно никто не заглядывал. В маленьком мешочке кто-то, бережно укутав в несколько слоёв мягкой шерстяной ткани, хранил небольшое, с голубым камешком, медное колечко. Для кого-то оно наверняка было настоящим сокровищем, жаль, что сейчас не узнать, кому это украшение принадлежало, я бы с радостью его отдала. Убрав находку на место, я ещё час рассматривала стены, потолок, пол, немногочисленную мебель, но больше в этой клетушке ничего не нашла.

Во вторую комнату я заходила, не надеясь на чудо, но именно когда, казалось бы, уже ничего хорошего не ожидаешь, я, неловко подвернув ногу, сдвинула треклятую доску. Под обшарпанной половицей лежала большая деревянная шкатулка, рядом с ней находился мешочек, в котором что-то радостно и призывно звенело, а укутанная в холщовую ткань бархатная коробочка пряталась в глубине пола. Только неимоверным усилием воли я, собрав находки в охапку, потащила их в свои покои, чтобы там в привычной обстановке, наконец, увидеть, что же так тщательно прятала Ора. В том, что этот тайник принадлежал сиделке, я была уверена.

– Так и знала! – зло усмехнулась, положив на стол двадцать седьмое письмо от Фрэнка к Оре. Я не сомневалась в том, что мой муж – умелый манипулятор, но чтоб настолько искусно, ни разу не написав прямо, обещать влюблённой девушке место своей жены, это надо быть виртуозом эпистолярного жанра. Теперь стало понятно, откуда в сиделке было столько ненависти к Дель, ведь она занимала её место, место рядом с любимым человеком, которого Ора так неистово желала.

Но, к сожалению, в огромной пачке пожелтевших от времени и парочке новых писем ничто не указывало на то, что муж причастен к отравлению Дель. О жене было сухо и мало написано, он интересовался её здоровьем, и только. Ни слова о микстуре, лекаре и прочих, связанных со смертью фраз.

Осторожно вернув письма обратно в шкатулку, решив прихватить их всё же с собой, мало ли где они пригодятся, я открыла небольшой мешок, высыпав из него на стол не менее двух сотен фарингов. Эта находка меня несказанно порадовала, теперь можно уехать в Ранье, снять комнатку, найти какую-нибудь работу и нанять сыщиков, чтобы следили за семейкой Доуман. Вдоволь полюбовавшись серебряными монетками, я собрала их обратно в мешок. И тут же взялась за бархатную коробочку... там были украшения, некогда принадлежавшие матери Дель, после и самой девушке. Осторожно проводя пальцем по сверкающим граням драгоценных камней, я вспоминала, какая красивая была мама в шелковом платье и в этом колье, когда она с отцом отправилась в театр.

Из грустной задумчивости меня вывел крик Шилоха в саду. Быстро спрятав сокровища в стол, я, помахав в окно рукой, направилась к выходу.

– Мадам Делия... я... вы уж простите, что так, но дом оставлять без присмотра негоже, – заговорил старик, стоило мне только открыть дверь, – дом добрый.

– Ты хочешь вернуться в деревню? – догадалась из бессвязного разговора привратника, чего он хочет.

– Ну так... там и вдовушка одна есть, – промямлил старик, – вы это... не беспокойтесь, я буду приезжать, воду в бак наливать, дрова колоть...

– Отвези меня в Диншоп, – прервала мужчину, быстро принимая решение, – я сейчас соберусь, твой сосед Серого одолжит?

– Так, конечно, – живо отреагировал Шилов, обрадованно улыбнувшись, – так что, сговорились? Я раз в три дня буду в поместье заглядывать.

– Нет, Шилов, поеду я, здесь мне делать нечего.

– Ну... как скажете, госпожа. Я вот, нашёл под матрасом Мари, отродясь у неё столько не было, – проговорил старик, подав небольшой мешочек, – там десять фарингов, уж не знаю, сколько она уворовала у вас, да только что есть – всё вам отдал.

– Спасибо, Шилов, держи, это тебе за помощь, – мягко улыбнулась и, вытащив три серебряные монетки, положила ему в мозолистую ладонь, – когда двуколка будет готова?

– Через час, госпожа... благодарствую, – рвано выдохнул Шилов и, быстро развернувшись, поспешил к воротам. Я тоже поторопилась в дом, требовалось собрать немногочисленные вещи, спрятать в разных местах фаринги и украшения, а также приготовить перекус в дорогу.

– Готово, госпожа, – сообщил мужчина, появляясь в дверях дома. Я как раз только спустила последний из чемоданов, с которыми и доставили Дель в это поместье.

– Отлично, – кивнула, чуть помедлив, проговорила, – ты, как вернёшься, сюда поезжай, продукты заberi, а то испортятся. Дом закрой да проверь все окна и двери и больше не ходи сюда, а то мало ли, хозяин вернётся и накажет за своеволие.

– Что вы, мадам, я ни в жизнь.

– Знаю, Шилов, просто беспокоюсь. И не позволяй больше помыкать собой. Как там вдовушка? Хоть нравом добра?

– Хорошая баба, умная, работающая, и сынок имеется, – расплылся в мечтательной улыбке старик, помогая мне забраться в двуколку. Затем он быстро уложил чемоданы и, прикрикнув на старого знакомого, направил лошадку по жёлтой глинистой дороге.

Глава 9

В этот раз мы выехали в Диншоп после полудня, и солнце уже вовсю припекало, а поднявшаяся пыль то и дело попадала в глаза. Ехать было жарко и душно, сегодня так парило, что неминуемо случится гроза. И я очень надеялась, что к этому моменту я уже зайду в вагон поезда, который увезёт меня в Ранье.

Время от времени подсакивая на особо больших ухабах, невидяще рассматривая унылый пейзаж, краем уха я слушала незатейливый мотив в исполнении Шилоха, с волнением и радостью предвкушала скорые перемены. Удивительно, но меня не страшила неизвестность, не пугало осознание, что еду напрямик в жадные лапы семьи Доуманов. Сейчас во мне преобладала твёрдая уверенность, что с сегодняшнего дня непременно всё изменится к лучшему.

До Диншопа мы добрались быстро, не знаю – или я была настроена поскорее покинуть это место, или Шилох подгонял Серого, спеша вернуться в деревню к своей вдовушке. Но уже через час я, держа в руках крохотный билетик, прощалась со стариком.

– Вы, госпожа, осторожней будьте, эти поезда ненадёжны, слышал, с рельсов сходили, – напутствовал меня привратник, сдвинув лохматые брови к переносице, – а ежели вернётесь в поместье, зовите меня, чем могу, подсоблю.

– Хорошо, и ты будь осторожен, да и пить бросай, – ласково улыбнулась мужчине, вдруг почувствовав тихую грусть от расставания с этим добродушным человеком, – ну ладно, поезжай, а то вдовушка, поди, заждалась тебя.

– Здравия вам, госпожа, – пожелал напоследок Шилох, быстро покидая небольшое здание вокзала. Проводив старика мутным взглядом из-за застилавших глаза слёз, я дождалась, когда чуть сгорбленная фигура скроется за колонной, отправилась сдавать свой багаж на хранение. До отправления было ещё три часа, и я планировала присмотреть себе пару юбок, те, что у меня имелись, пора давно выбросить. Куда подевалась одежда Дель, я могла только догадываться.

– Мадам! Мадам! Купите! Последние новости! – закричал мальчишка, стоило мне вырваться из душного здания на небольшую привокзальную площадь.

– Сколько?

– Три сима!

– Давай, – вручила парнишке четыре медяка, один из которых он тут же ловко спрятал в карман.

– Свежая газета! Последние новости! Барон Торс погиб под колёсами автомобиля! – продолжил выкрикивать разносчик газет, рванув в сторону краснощёкой женщины. А я, скрутив покупку в трубочку, направилась к небольшому магазинчику, вывеска которого указывала, что там можно было приобрести практически всё – от дамских чулок до шляпки.

Опасливо всматриваясь в хмурые, насмешливые и надменные лица мужчин, надеясь не встретить знакомых констеблей, я, лавируя между спешащими и праздно разгуливающими людьми, наконец добралась до нужной мне лавки. Дверь, на вид тяжёлая и массивная, удивительно легко мне поддалась, тотчас открывая передо мной прекрасный мир нарядов и прочих женских радостей.

– Я могу вам чем-то помочь? – тотчас обратилась ко мне женщина лет тридцати шести, пышнотелая, цветущая и приятная на вид. На ней был красивый голубой жакет, который выгодно подчёркивал её большую грудь и узкую талию. А юбка в пол из такой же ткани плавно ниспадала с широких бёдер, добавляла статной красавице пикантной привлекательности.

– Да, мне нужен такой же костюм, что и на вас, – произнесла, беглым взглядом окинув небольшое помещение.

– Ооо, я знала! – вдруг радостно выкрикнула женщина, возбуждённо заметавшись по комнате, – знала, что и в этом захудалом городке есть тот, кто по достоинству оценит этот наряд! Мадам...

– Делия, – растерянно улыбнулась даме, которая всего за пару секунд взгромоздила на прилавок не менее десяти жакетов и юбок, сшитых из разных тканей.

– Мадам Прю, – коротко и быстро представилась женщина, тотчас схватив первый костюм, – бакаловый? Нет, вы такая бледненькая, так... алебастровый люкзор? Нет, вы поте-ряетесь в этом цвете. Может, бланжевый? Да, он идеально подходит! Идите, идите за ширму, снимайте этот кошмар, что на вас сейчас надет.

Поддавшись порывистости, заразившись кипучей деятельностью мадам Прю, я, подхва-тив подол своей юбки, тотчас рванула за ширму. Там быстро скинула с себя юбку, рубаху и бархатную курточку с рукавами буф, которые делали меня похожей на вешалку. Я едва успела прикрыть стратегические места, но от цепкого взгляда ворвавшейся в небольшую примероч-ную всполошившейся женщины ничего не укрылось.

– О нет! Это тоже снимайте, – приказала мадам Прю, указав пальцем на мою сорочку и панталоны, – мадам Делия, ваши формы так малы, что негоже их скрывать под этой несуразной серой тряпкой!

Усмехнувшись вслед раскомандовавшейся женщине, я всё же стащила с себя панталоны, доходившие мне до колен, и сорочку, которую и правда давно пора было выбросить, и замерла в ожидании.

– Вот эти будут в самый раз, – через минуту влетела в примерочную мадам Прю, вручив мне сорочку из нежного хлопка с кружевной отделкой на груди, длиной доходившую мне до середины бедра, и панталоны из того же хлопка и кружева, которые больше были похожи на трусики. Не уверена, что приличные дамы Диншопы сейчас надели бы такое, но я носила куда развратнее, по нынешним временам, нижнее бельё, так что если мадам Прю и ожидала от меня чопорного вскрика, то она глубоко просчиталась.

– Замечательный комплект, – проговорила, нырнув в чуть широковатую для меня сорочку, – какая мягкая и нежная ткань, мадам Прю, вот здесь для самых смелых можно уве-личить ширину кружев.

– О да, мадам! – обрадованно воскликнула женщина, в её глазах вспыхнул огонёк любо-пытства, который она тотчас поспешила погасить, – мадам Делия разбирается в женских пла-тях?

– Нет, – натянуто рассмеялась, осознав, что ляпнула лишнее, – Кастелия – тёплая страна, и дамы там вынуждены носить чуть меньше одежды под платьем.

– Мадам Делия была в Кастелии? Я слышала, там женщины оголяют лодыжки?

– Нда... жаркая страна, – промямлила, торопливо надевая на себя жакет и юбку, чтобы ещё чего лишнего не сболтнуть. Мало ли что сейчас носят кастелийские женщины, отец рас-сказывал об их нарядах больше семи лет назад.

– Ну вот, в самый раз, – удовлетворённо протянула мадам Прю, окинув меня придирчи-вым взглядом, – чулки сейчас принесу, а туфли можно поменять в обувной лавке Имона, он недорого берёт и ревностно следит за модой в столице.

– Благодарю, мадам Прю, сколько с меня? – спросила, складывая свою одежду в аккурат-ную стопочку, решив оставить её здесь. Всё же правильно подобранный наряд придаёт любой женщине уверенности, а мне она сейчас не помешает.

– Так... два фаринга и тридцать четыре сима, – произнесла мадам Прю, чуть помедлив, добавила, – за шляпку возьму немного, тогда всего выйдет три фаринга.

– Я примерю, – вежливо улыбнулась женщине, принимая небольшую, симпатичную шляпку, спустя минуту произнесла, – беру.

Отдавать три серебряных монеты, на которые я могла прожить не меньше месяца в Диншопе, оплачивая комнату и продукты, было немного жаль, но, как всем известно, «встречают по одежке», а в старом, местами штопанном наряде я мало чего добьюсь, да и полагаю, что меня даже слушать бы не стали. Поэтому я решительно вложила в пухлую ладонь женщины три фаринга и, больше ни на секунду не задерживаясь, направилась к выходу.

Прощались с мадам Прю обе довольные друг другом: я тем, что в первой же лавке нашла подходящий мне наряд, мадам Прю тем, что продала экстравагантный костюм, который ни одна дама Диншопа не рискнула бы надеть.

– За часовой мастерской лавка Имона, – подсказала женщина, махнув в сторону невысокого здания, за которым высилась кирпичная башня с небольшими оконцами, – скажите, что от мадам Прю, он возьмёт недорого.

– Спасибо, – поблагодарила женщину, ускоряя свой шаг, иначе мадам так и будет выкрикивать мне вслед наставления, привлекая ко мне ненужное внимание. И спустя пять минут я наконец нырнула за угол, прячась от сверлящего мою спину пытливого взгляда. Но не прошла и пары шагов, как вдруг праздню прогуливающиеся дамочки, дети и мужчины неожиданно резко устремились к невысокому постаменту, который разместили возле двухэтажного здания конторы, невольно увлекая меня в свой поток.

– Говорят, он напал на барона, – взволнованно прошептала девушка лет девятнадцати своей младшей на вид подруге.

– Нет, Жак сказал, что он грабил кареты, – возразила дородная матрона, сопровождающая молоденьких девиц.

– Снасилничал вдову Гилмор, – прошамкал старик своему беззубому, седовласому другу.

– «Чёрт! Они все торопятся посмотреть на казнь» – мысленно выругалась, лихорадочно ища лазейку, чтобы выбраться из плотного людского потока, но, как назло, свободнее всего оказалось вблизи постамента. Недолго думая, я обогнала шепчущихся стариков, устремилась к пустующему пространству, спеша скорее юркнуть в узкий переулок, желая как можно быстрее покинуть это жуткое место.

– Ведут! – вдруг прозвучал возбуждённый и восторженный крик, толпа немедленно подалась к помосту, вытолкнув меня к самому краю деревянной площадки.

– «Быстрее!» – тут же скомандовала сама себе, пробираясь через плотный строй мужчин и женщин, инстинктивно содрагаясь от вида предвкушающих кровавое зрелище гримас, и не удержалась, бросила косой взгляд на несчастного, едва не запнувшись, потрясённо остановилась...

К позорному столбу вели того самого весельчака, что повстречался мне у рынка Атвур. Сейчас его губы были сжаты в тонкую полоску, а брови хмуро сдвинуты к переносице. Всего лишь на миг на его лице промелькнул животный страх загнанного зверя, но мужчина, надменно вскинув голову, со злой усмешкой оглядел собравшуюся толпу.

– Ууу... мерзавец, – слышалось за моей спиной, следом раздался звонкий девичий голосок, – убийца!

Невольно вздрогнув от неожиданно жгучей ненависти, прозвучавшей в голосе девушки, я всё равно не смогла себя заставить сдвинуться с места и уйти. Продолжая наблюдать за творившимся кошмаром, с леденящим душу ужасом я смотрела, как на помост поднимается исполинского роста мужчина. В его огромных руках находилась плеть, от вида которой моё сердце пропустило удар, чтобы тут же яростно забиться. Торопливо переведя свой взгляд на приговорённого, я едва подавила испуганный вскрик и неосознанно подалась к помосту. «Весельчака» развернули к нам спиной... Она была вся исполосована страшными, рваными уже побелевшими шрамами. Они буквально опоясывали его худую, жилистую спину, создавая собой жуткий узор...

– Кип Джонс, ты проговариваешься к пятидесяти ударам плетью, – внезапно громко и торжественно объявил наверняка страдающий одышкой толстяк, с трудом забравшись на помост, – тебе есть что сказать?

– Пошёл ты! – огрызнулся тот, кого называли Кипом, смачно сплюнув под ноги хрипевшему со свистом толстяку.

– Начинай! – брезгливо поморщившись, приказал мужчина, махнув рукой, приводя собравшуюся толпу в неистовое оживление.

– Что сделал этот человек?! – вдруг выкрикнула я, признаваясь себе, что врождённое здравомыслие окончательно покинуло меня.

– Оболгал уважаемого господина, мадам!

– Разве за это положено пятьдесят плетей?!

– Он не смог заплатить штраф господину и городу!

– Сколько? – продолжила закапывать себя ещё глубже, старательно не обращая внимание на изумлённые перешёптывания вокруг меня.

– Мадам, кем вам приходится Кип Джонс? – сурово потребовал толстяк, подозрительно прищурившись, явно не желая отпускать из своих рук желанную добычу. Толпа за моей спиной, словно разворошённый улей, встревоженно жужжала, тоже недовольная вынужденной заминкой.

– Как ты смеешь разговаривать в таком тоне с графиней Делией де Виан-Рейн? – холодным ровным голосом произнесла я, чеканя каждое слово, – Кип Джонс – мой слуга, я требую отпустить его, положенную сумму штрафа я оплачу оскорблённому уважаемому господину и в казну города. И надеюсь, что сумма будет верно посчитана, согласно законам нашей страны.

– Конечно, мадам, – тотчас сменил надменность на заискивание толстяк, шариком скатываясь с помоста, – отвяжите слугу графини и отведите его в контору. Пройдёмте, госпожа...

– Не суетись, – коротко бросила заматаившемуся вокруг меня чинуше, окинув его презрительным взглядом. Гордо расправила плечи, так, что, казалось, мои лопатки коснулись друг друга, вздёрнув подбородок вверх, устремилась к серому двухэтажному зданию.

Глава 10

– Сто фарингов? Дорого запросил ваш уважаемый господин, – усмехнулась, раскрывая небольшую сумочку, где лежала как раз нужная им сумма, – я верно понимаю, здесь также учтён штраф городу?

– Эээ... да, мадам Делия, – вполголоса, будто размышляя, промямлил чинуша, не отводя жадный взгляд от растущей стопочки монет, чуть помедлив, добавил, – я могу уточнить у каз...

– Не стоит, я хочу быстрее закончить с этим вопросом, – прервала толстяка, положив последний фаринг, требовательно посмотрела на мужчину, который почему-то медлил и бросал в сторону двери косые взгляды, – мсье...

– Робби Саймон.

– Мсье Саймон, я спешу, – поторопила чинушу, желая поскорей убраться из этого места. Пока мы шли по длинному и узкому коридору, нам повстречались четыре констебля, возможно, здесь есть те, что были в поместье Доуманов, а с ними мне бы не хотелось встречаться. Но, к сожалению, мои ожидания не оправдались... дверь с шумом распахнулась, и в кабинет вошёл мсье Этьен. Секунда хмурого недоумения сменилась узнаванием и неприкрытым удивлением.

– Мадам Делия?!

– Мсье Этьен, рада вас видеть, – мягко улыбнулась, догадавшись по тотчас расслабившемуся лицу толстяка, почему чинуша так затянул простой вопрос решения оплаты штрафа.

– Вы прекрасно выглядите, – смущённо проговорил констебль, взглядом показав Робби, чтобы тот убирался. Чинуша оказался сообразительным малым (когда это было ему выгодно) и, коротко кивнув, скрылся за дверью.

– Благодарю, мсье Этьен, – снова улыбнулась, быстро принимая решение. И, намеренно выдержав необходимую паузу, печально вздохнула и, тщательно подбирая слова, произнесла, – после трагической гибели сиделки, которую нанял мой муж, я удивительно быстро пошла на поправку.

– Это замечат... что вы сказали? – не сразу дошло до констебля, с его лица медленно сползла улыбка, а взгляд стал цепким и неприятным.

– Вот, это я нашла у Оры в комнате, она каждый день поила меня микстурой, от которой с её слов мне должно было стать легче, – проговорила, вытащив небольшой пузырёк из сумочки. Таких бутылочек у меня было несколько штук, припрятанных в разных местах моего багажа, – я не знаю, что это, но после них мне становилось очень плохо... ну вы и сами это видели.

– Да, но... мадам Делия, это серьёзное обвинение, – растерянно протянул констебль, явно не желая ввязываться в это заранее проигрышное дело.

– Ооо... я знаю, поэтому прошу вас о небольшом одолжении, – проговорила, с трудом сдержав снисходительную улыбку. Сообщив мсье Этьену о муже и сиделке, я даже не надеялась, что провинциальный блюститель порядка тут же бросится на мою защиту. Я преследовала лишь одну цель – чтобы о покушении знали, возможно, это мне когда-нибудь и пригодится, а пока, – узнайте, пожалуйста, что это за микстура, от которой у меня мутился разум, и отпустите моего охранника. Я хочу вернуться домой, а в связи с открывшимися обстоятельствами, как вы понимаете, в поместье Рейн, наследницей которого являюсь я, будет небезопасно.

– Конечно, мадам Делия, – облегчённо выдохнул мужчина, радуясь, что его не втягивают в разборки господ, – я сейчас же дам распоряжение.

– Благодарю, мсье Этьен, вы настоящий рыцарь, – нежно проворковала, чуть помедлив, добавила, – через час поезд отправится в Ранье, я буду благодарна, если вы вышлете результат исследования в поместье Рейн. Лично в руки графине Делии де Виан-Рейн.

– Да-да, конечно, позвольте, я провожу вас к выходу.

– Мне будет очень приятно, – продолжала рассыпаться в любезностях, мысленно потирая констебля. В этот раз мне повезло встретить мсье Этьена, он был гораздо приятней в общении и, кажется, немного робел передо мной. Будь на его месте мсье Дакс, полагаю, я бы так легко не отделалась, поэтому к моим прочим причинам поскорей убраться из Диншоп добавился ещё один важный, не терпящий отлагательств повод.

– Привести Кипа Джонса в приёмную, – приказал констебль незнакомому парнишке, как только мы покинули кабинет. Толстяка в узком коридоре не наблюдалось, и я была этому несказанно рада, – мадам Делия, я обязательно выполню вашу просьбу.

– Спасибо, мсье Этьен, не знаю, что бы я без вас делала.

– Мадам... будьте осторожны, – проговорил мужчина, вдруг сжав мою ладонь, едва слышно продолжил, – я надеюсь, вы понимаете, кого наняли в свою охрану?

– Конечно, – коротко ответила, осторожно высвобождая стиснутую руку, напомнив, – поезд.

– Да, – восторженно воскликнул мсье Этьен, быстрым шагом повёл меня по душному коридору, и уже через минуту мы оказались в крохотной камере без окон. Спустя ещё пару минут в приёмную ввели «весельчака», на его лице появилась новая ссадина, а ступая на левую ногу, «слуга» слегка морщился. Но всё же я не стала требовать наказания за избиение моего «охранника», взмахом руки указав тому на дверь, первой покинула мрачное заведение.

– Мадам, я благодарен вам за помощь, – произнёс Кип Джонс, стоило нам остановиться у небольшой кондитерской лавки, – если вы немного подождёте, я верну вам ваши деньги.

– Хм... тогда почему ты сам не заплатил штраф?

– Не предоставили такой возможности, – с кривой усмешкой ответил мужчина, – сколько вы отсыпали за мою шкуру?

– Я так и думала... уважаемого и оболганного человека тоже не существует?

– Да, мадам.

– Сто фарингов, – коротко ответила, окинув придирчивым взглядом Кипа, по которому не скажешь, что он располагает такими деньгами.

– Десять минут, мадам, – озорно улыбнулся «весельчак», быстро метнувшись в проулок. Меланхолично пожав плечами, признать, не надеясь на его возвращение, прикинула, что времени до отправления поезда ещё достаточно, заказала себе чашку чая и пирожное, присела за небольшой столик. Но не успела сделать и пары глотков ароматного напитка, как из подворотни вынырнул Кип.

– Ты быстро, – не преминула заметить, поставив кружку на блюдце и обратив свой взор на звонко звякнувший мешочек, брошенный мужчиной на стол.

– Вот. Здесь всё, можете проверить.

– Я верю, – улыбнулась, убирая кошель в сумочку, мельком взглянув на часы, что висели на башне ратуши, и проговорила, – мне пора, прощай, Кип.

– Мадам... мне не нравится быть должным, а вы спасли мою дырявую шкуру уже дважды, чем я могу отплатить свой долг? – поднялся следом за мной «весельчак», вопросительно на меня посмотрев.

– Просто не попадайся больше плохим парням и вообще, в этом городе у тебя хватает врагов, на твоём месте я бы покинула Диншоп, и как можно скорее.

– Врагов у меня везде полно, – усмехнулся Кип, настойчиво меня преследуя, – всё же, мадам Делия де Виан-Рейн, что я могу для вас сделать?

– Помогите вернуть сына и наследство моего отца, – выпалила, резко останавливаясь, чуть не сбив с ног следующего за мной по пятам, ошеломлённого мужчину.

– Эээ... мадам Делия, может, у вас любимая собачка потерялась и её нужно найти? Или дамочка какая косо посмотрела, и её стоит припугнуть? – пробормотал Кип, умоляюще на меня взглянув.

– Нет. Кип, ты мне ничего не должен, – с горькой усмешкой ответила и, резко отвернувшись, продолжила свой путь.

– Мадам, вы не знаете, кого просите...

– Одного из служителей теневого общества, которое занимается грабежами, вымогательствами и убийствами? – насмешливо проговорила, своими словами приведя мужчину в ещё большее замешательство.

Было нетрудно догадаться, чем занимается этот тщедушного телосложения «весельчак». В прошлой жизни у меня был некий опыт общения с представителями такой же организации. Имея в собственности одну из самых крупных компаний в городе, рано или поздно тебе придётся начать сотрудничество с людьми, которые берут на себя защиту и сопровождение.

– Мадам очень проницательна, – прервал мои мысли Кип, по-новому на меня посмотрев, – до отправления поезда в Ранье ещё тридцать минут, этого времени будет достаточно, чтобы вы мне рассказали о вашем муже и о его семье. После я отправлю ваше предложение... о содействии и сообщу вам о принятом решении.

– Договорились, – подала руку для рукопожатия изумлённому мужчине, видимо, он до конца надеялся, что у меня всё же разыщется потерянная собачка, которую непременно нужно срочно найти, заговорила, – Фрэнк Доуман, мой горячо любимый муж...

Рассказ вышел коротким и сухим. Я излагала факты и предполагаемые мной домыслы. Честно поведала о гибели сиделки, нечаянно поднявшись в глазах Кипа на пару пунктиков. Когда отдала мужчине пузырёк с отравой, получила ещё одну порцию восхищения. А назвав процент от чистой прибыли, который я готова выплачивать их организации, завоевала искреннее уважение. Мужчина если и задавал вопросы, то делал это кратко и по существу, так что нашу беседу можно считать вполне удачной.

За десять минут до отправления поезда мы, подытожив наш занимательный разговор, поспешили на вокзал. Там Кип помог мне разместиться в вагоне, устроив меня в шикарном купе, в котором, если верить словам кондуктора, я буду ехать в полном одиночестве. Пожелав хорошего пути и почти по-родственному попрощавшись, Кип ушёл, оставляя меня в тягостном ожидании.

До полуночи оставалось около шести часов, и чтобы хоть чем-то себя отвлечь, я занялась разглядыванием старинного вагона. Он практически ничем не отличался от привычного мне. Здесь только железо, пластик и козам заменили дерево и бархат. Занавески – красная парча с золотым тиснением, смотрелись слишком вычурно. Лампа на латунной ножке, прикреплённая к деревянной панели, едва освещала купе. Тканевые обои с растительным рисунком и красная дорожка на полу. Всё это выглядело необычно, как в музее... и всё же, здесь было гораздо уютнее, чем в обезличенном вагоне моего прошлого.

Изучив комнату, в которой мне предстояло жить больше трёх дней, я некоторое время смотрела на проплывающий за окном пейзаж. После поужинала вкусным стейком с овощами, впервые попробовав местное вино, которое было удивительно лёгким и нежным. Когда за окном окончательно стемнело, а в коридоре вагона чуть притушили свет, я устроилась на вполне вместительном сиденье спать и благополучно проспала до самого полудня, пробудившись только после третьего стука проводника, который, видимо, уже не в первый раз интересовался, когда подать мне завтрак.

– Через полчаса, – отозвалась, ословелым взглядом окинув просторное купе, едва успела прикрыть рот, и, заглушая испуганный крик, сердито буркнула, – как ты сюда попал? Я видела тебя на перроне, когда поезд тронулся! Хотя какая мне разница...

– И тебе доброе утро, Дель, – поприветствовал меня Кип, неожиданно перейдя на ты, он вновь откинулся на соседнее сиденье и по-кошачьи потянулся, – я сел в поезд на станции Борсье, чтобы сообщить, что Скай согласен.

– Скай? Хм... небо, это его настоящее имя?

– Никто не знает его настоящего имени, – хмыкнул Кип, закинув руки за голову, и проговорил, – за твоим мужем, его отцом и прочими с сегодняшнего дня установят слежку. То, что я узнал о семейке Доуман, меня не порадовало, ты затеваешь опасную игру.

– Я догадывалась.

– Ты ещё можешь отказаться... я найду тебе милую собачку, и мы будем в расчёте...

– Нет, я хочу вернуть должок семье Доуман, – зло усмехнулась, пристально посмотрев на мужчину, и, чуть помедлив, продолжила, – и забрать своё...

– Дель! Дель?! Ты как? – прервал мои воспоминания Кип, обеспокоенно меня осматривая, – я полчаса до тебя докричаться не мог.

– Всё хорошо, просто задумалась, – пробормотала, с тихим стоном сдавив виски, головная боль сегодня явно не собиралась меня покидать, – что-то случилось?

– Он уже минут двадцать колотит в дверь и орёт, – ответил мужчина, удивлённо вскинув бровь, – ты не слышала?

– Пусть стучит, – равнодушно повела плечами, поднимаясь с кровати, – когда-нибудь это ему надоест, и он уйдёт.

– Сомневаюсь, уж больно настойчив, – с презрительной улыбкой произнёс мой охранник, – хочешь, я спущу его с лестницы?

– Хочу, но не сегодня, – благодарно улыбнулась Кипу, неохотно отправилась к выходу, и, с трудом сдвинув засов, распахнула дверь, – что тебе, Фрэнк? Я же сказала, что мы поговорим завтра утром.

– Ты... – промычал подвыпивший муженёк, наверное, враз забыв, зачем ломился в мои покои, – а где Ора, твоя сиделка?

– Сиделка, которую ты нанял, чтобы она за мной ухаживала? – насмешливо уточнила, заметив согласный кивок, продолжила, – погибла, упала с крыши.

– Эээ...

– Приятных снов, Фрэнк, – ласково улыбнулась, захлопывая перед потрясённым мужем дверь.

Глава 11

Проснулась я непривычно рано. За окном было ещё темно, а предрассветный сумрак только начал отвоёвывать своё время у ночной мглы. В поместье царила настороженная тишина, обычно, из воспоминаний Дель, на кухне уже гремели посудой, Эми кормила кур в птичнике, а Отто покрикивал на разыгравшихся во дворе щенков. С тех пор многое изменилось... Дель изменилась.

Провалившись в постели примерно с полчаса, безрезультатно пытаюсь заснуть, я всё же смирилась с этим безнадёжным делом. Спустилась с кровати, на цыпочках прошла мимо дивана, чтобы не потревожить чуткий сон Кипа, и заперлась ванной комнате. Там быстро умылась, тщательно расчесала волосы, длиной доходившие мне до лопаток, заплела косу, набросила халат, распахнула дверь и едва не врезалась в застывшего у порога ванной Кипа.

– Только хотел постучать, – сонным голосом пробормотал мужчина, растирая глаза, – Лудо пришёл, открыть ему?

– Я сама, иди умывайся.

– И чего ты в такую рань поднялась, – добродушно проворчал Кип, скрываясь за дверью. Я же, бросив взгляд на свалившийся на пол плед и сбитую в треугольник подушку, поспешила открыть дверь дворецкому.

– Мадам Делия, доброе утро! Вы всё так же просыпаетесь ещё до рассвета, – поприветствовал меня Лудо, ласково улыбаясь, – завтрак для вас подать в покои или спуститесь в малую столовую?

– Доброе утро, Лудо, я позавтракаю в столовой, – улыбнулась в ответ старику, чуть помедлив, спросила, – где обычно завтракает Дарен и в какое время?

– Мсье Дарен завтракает у себя в детской, завтрак будет подан через полчаса. Мсье Теодор требует соблюдать режим.

– Теодор – это гувернёр мальчика?

– Да, госпожа.

– Лудо, подай завтрак в малую столовую на три персоны, – распорядилась, ощутив нетерпеливое волнение от предстоящей встречи.

– Мадам Делия, мсье Фрэнк не покидает покои раньше полудня.

– Отлично, сможем спокойно позавтракать, – улыбнулась растерянному дворецкому, поспешила пояснить, – для меня, Дарена и моего секретаря.

– Прошу прощения, мадам Делия, через двадцать минут завтрак будет подан.

– Спасибо, – поблагодарила зардевшегося старика, закрывая дверь комнаты, мысленно перебирая свой скудный выбор одежды, и выходило, что сегодня мне придётся снова надеть костюм, в котором я прибыла в поместье.

– Обычно таких, как я, за господский стол не усаживают, – с ехидным смешком прокомментировал услышанное Кип, снова улёгшись на диван.

– Таких, как ты – это каких? – произнесла, тщательно рассматривая свой жакет, – кстати, ты не рассказал, да и я не спрашивала... если я не ошиблась в своих выводах, то ты не последний человек в вашем обществе, как получилось, что тебя едва не выпороли у позорного столба? Тебя могли убить.

– Нет, убивать меня никто не собирался, а вот унижить и опозорить – да, – беззаботно рассмеялся Кип, рывком принимая вертикальное положение, – я пришёл на чужую территорию, без дозволения решил важное для нас дело. Меня хотели наказать, чтобы другим неповадно было.

– А Скай?! Он не мог помочь? – возмутилась, резко обернувшись к ухмыляющемуся мужчине.

– Не мог, я действовал от своего имени, знал, что рискую и чем мне это грозит. Никто не должен знать, что я выполнял поручение Ская.

– Хм... – не нашлась, что сказать, но запомнила, что неведомый мне Скай очень жесток к своим людям и с ним надо быть осторожной.

– Какие планы у тебя на сегодняшний день?

– Познакомиться с сыном, я его не видела больше пяти лет. После позавтракать в компании интересных мужчин. Затем требуется съездить на завод. Потом заехать в лавку одежды и приобрести пару жакетов, рубаш и юбок. Ну, и побеседовать с Фрэнком, – закончила перечислять срочные дела на сегодня и, подхватив одежду, направилась в ванную переодеваться, на ходу дополнив, – а ещё поговорю со слугами, полагаю, с большей частью из них нам придётся расстаться.

– День предстоит весёлый, – хохотнул Кип, продолжая что-то говорить, но за закрытой дверью я уже ничего не слышала. Через пару минут, осмотрев себя придирчивым взглядом, заправила за ухо выпавшую прядь волос и направилась к выходу.

Идти в комнату к сыну Дель, а теперь и к моему, было очень страшно. Мне кажется, я так не боялась, даже когда боролась на крыше с Орой. Почему-то именно эта встреча меня больше всего пугала. Пока я шла по длинному коридору, моё сердце то замирало, то заходило в бешеном ритме, ладошки стали мокрыми, а по спине ползли зябкие мурашки. В воспоминаниях Дель Дарен был маленьким годовалым карапузом, который только научился ходить, делая это неуклюже и заваливаясь набок. Сейчас же я иду к шестилетнему мальчугану, взрослому человечку, который совершенно не помнит свою маму.

– Дель... дети многое прощают и быстро забывают обиды, – шепнул мне на ухо Кип, успокаивающе похлопав по плечу, – уверен, он примет тебя.

– Да, – рассеяно кивнула, глубоко вдохнув, подала знак мужчине, чтобы он открыл дверь, и решительно переступила порог. Но тут же от неожиданности вздрогнула от резкого окрика и громкого удара.

– Мсье Дарен! Что я говорил вам! Плечи! Подбородок! – визгливым голосом отчитывал сжавшегося в комочек ребёнка высокий, как палка, мужчина лет сорока пяти, продолжая стучать указкой по столу, возле самой ладошки Дарена. Мне хватило одного лишь настороженного взгляда сына, чтобы принять решение. Видеть, как он испуганно вздрагивает и с каким страхом смотрит на деревянный прут, я уже не могла, сквозь зубы процедив:

– Кип...

– С лестницы? – с полуслова понял меня секретарь, тотчас устремившись к изумлённому мужчине, который только сейчас заметил, что в детской находятся посторонние.

– Кто вы такие и как посмели... что вы себе позволяете, – взвизгнул гувернёр и учитель в одном лице, которого буквально волоком тащил к выходу Кип, – я буду жаловаться мсье Фрэнку.

– Жалуйся, – оскалился мой секретарь, выпихнув сопротивляющегося мужчину в коридор.

– Как вы смеете! – негодуя затрясся бывший учитель Дарена, расправляя пиджак, – мсье Фрэнк...

– Мсье Теодор, я полагаю, вы догадались, что в месте учителя вам отказано. Покиньте поместье сейчас же, вопросы о выплате остатка жалования можете обсудить с моим секретарём. И радуйтесь, что мсье Кип не применил к вам те же наказания, что вы использовали в воспитании Дарена, – прервала закатившего истерику мужчину, с трудом сдерживая желание врезать по его надменной морде.

– Ыы... обсудим? – тут же радостно протянул Кип, подавшись к возмущённому мужчине.

– Я буду разговаривать только с мсье Фрэнком, – высокомерно высказался Теодор, с силой одёрнув свой пиджак так, что затрещали швы, поспешил к лестнице.

– Проследить?

– Да, Кип, – кивнула, проводив взглядом рванувшего вдогонку за учителем мужчину, плотно закрыла дверь, на секунду замерла, собираясь с мыслями, и медленно повернулась к ребёнку, – здравствуй, Дарен, я Делия Рейн, твоя мама... прости, что меня так долго не было. Впредь я очень постараюсь, чтобы мы с тобой больше не расставались.

– Ты выздоровела? – едва слышно спросил мальчик, пытливо всматриваясь в моё лицо, – и больше не уедешь лечиться?

– Да, я выздоровела и буду беречь своё и твоё здоровье, – глухим голосом ответила, с трудом проглотив застрявшей в горле комок.

– А мсье Теодор, он не будет моим учителем? – спросил малыш, выжидая на меня взглянув, казалось, сейчас его больше всего волновал именно этот вопрос.

– Нет, мы найдем нового... Дарен, ты завтракал?

– Нет, ещё семь минут надо подождать, – проговорил сын, бросив беглый взгляд на небольшие настенные часы с маятником, стоящие в углу детской, которая скорее походила на комнату аскета. Такая же пустая, с минимальным набором мебели и без единой игрушки.

– А я уже очень хочу есть, присоединишься ко мне?

– Внизу? – неверующе уточнил ребёнок, нетерпеливо поёрзав.

– Да, вместе со мной и Кипом – это мой помощник и секретарь. А после завтрака я планировала съездить на завод, поможешь мне с проверкой? Боюсь, я могу упустить что-нибудь важное.

– А можно?

– Конечно. Идём? – протянула руку очень серьёзному мальчишке, с волнением ожидая его решения. И уже спустя минуту я с величайшим трепетом нежно сжала маленькую ладошку, которую доверчиво вложил Дарен, ласково улыбнувшись, повела его завтракать...

– Нет, Дар! Если ты сам не будешь следить за своим оружием, то оно может тебя подвести в самый неподходящий момент, – объяснял очевидное для себя Кип, с лёгкостью общаясь с мальчиком.

Я же пока немного терялась, не зная, как себя вести с сыном. Порой в моей душе вспыхивала щемящая нежность к ребёнку, в горле застывал ком, слёзы застилали глаза и хотелось прижать сына к груди и никогда не отпускать. Порой задумчивый и серьёзный взгляд взрослого человека, который не мог принадлежать ребёнку шести лет, меня беспокоил, смущал, и я невольно начинала держать дистанцию. Но одно было неизменным, я никому больше не позволю обидеть сына.

– Мадам Делия, мсье Фрэнк... он сейчас спустится, – едва слышно сообщил дворецкий, поставив передо мной кружку с чаем. Мы почти закончили завтракать и, признаться, я не хотела портить себе настроение с утра пораньше, но, видимо, супругу не спалось, раз он поднялся в такую nepозволительную для него рань.

– Спасибо, Лудо, – поблагодарила старика, вернувшись к прерванному разговору. Точнее, я и Дарен больше слушали забавные истории Кипа, которые, конечно же, случились с ним в детстве. Благодаря этим, порой немного грубым, рассказам, Дарен оживился, несколько раз заливисто смеялся, правда, тут же, словно боясь быть наказанным, озибался и замирал.

– И тебя она не укусила? – с восторгом уточнил сын, чуть подавшись к Кипу.

– Укусила, прям кхм... не при дамах будет сказано, я тебе потом шрам покажу, – заговорщицким голосом прошептал мужчина, склоняясь к мальчику.

– Лудо, что я говорил? Я не терплю, когда дети мешают мне завтракать в тишине, – раздался высокомерный голос Фрэнк и вскоре он сам предстал перед моим взором, – Дарен, иди в свою комнату.

– С сегодняшнего дня мой сын будет завтракать, обедать и ужинать вместе со мной, – чеканя каждое слово произнесла, успокаивающе улыбнувшись ребёнку. Я не хотела, чтобы Дарен наблюдал за нашим с мужем противостоянием, но и отправлять сына наверх, стоило только узнать, что Фрэнк направляется в столовую, я считала глупостью. Надо сразу дать понять муженьку, что отныне в доме будет всё по-другому.

– У Дарена сейчас должны идти занятия, – сделал ещё одну попытку настоять на своём Фрэнк, вальяжно усаживаясь напротив меня.

– Учителя, которого ты нанял, я уволила, – произнесла, подняв кружку с чаем, сделала небольшой глоток, – Дарену требуется лучший, мсье Теодор недостаточно хорош для моего сына.

– Делия, – процедил сквозь зубы Фрэнк, сжимая в кулак салфетку, – я требую...

– Дарен, ты позавтракал? Отлично, Лудо, проводи мсье до его комнаты, пусть возьмёт куртку. Через пять минут мы выезжаем, я буду ждать тебя в холле, – прервала мужа, неторопливо поднимаясь из-за стола.

– Ладно, – кивнул сын, бросив настороженный взгляд на отца, отправился к выходу, за ним тотчас последовал Лудо, пару раз обеспокоенно обернувшись.

– Делия, я требую... – вновь заговорил Фрэнк, стоило только сыну и дворецкому покинуть малую столовую. Сейчас здесь находились я, Кип и младший Доуман. Служанка, что подавала нам завтрак, исчезла.

– С сегодняшнего дня управление поместьем и заводом я беру на себя. Мне больше не требуется помощь твоего отца. Я сама буду управлять своим имуществом. Отныне в моём доме все подчиняются моим правилам, – ровным голосом произнесла, не сводя взгляд с изумлённого мужа, ласково улыбнувшись, добавила, – мне пора, приятного завтрака, Фрэнк.

И только покинув столовую, убедившись, что муж не последовал за мной, я с шумом выдохнула. Оказывается, проговаривая заранее отрепетированную речь, я не дышала.

– Ну вот, ты разворошила улей с осами, – усмехнулся Кип, с уважением на меня взглянув.

– Угу, иначе нельзя, всё, что вы накопили на Сефтона, всего лишь слухи. Скай прав, мне нужно, чтобы он попался на горячем, – одними губами прошептала, чуть помедлив, продолжила, – надеюсь, сведения верны и старший Доуман не убьёт меня раньше.

– Нет, он не будет так спешить и подставляться, старший тонко играет, и тебя ждёт более изощрённое наказание за то, что выжила и явилась без его дозволения, – напомнил ранее сказанное Кип, – Скай не допустит твоей гибели, ты предложила хороший куш, только не затягивай с первым взносом. А с остальным тебе придётся справляться самой, ну и я буду рядом.

– Посмотрим, и спасибо тебе, – поблагодарила мужчину и, заметив сына на лестнице, ласково улыбнувшись, заговорила, – ну что? Готов поработать?

– Да, – неловко улыбнулся в ответ сын, крепко сжимая в руках свою куртку.

– Тогда вперёд, – преувеличенно бодрым голосом воскликнула, дождалась, когда Дарен спустится с лестницы, и, взяв ребёнка за руку, устремила к двери, на ходу распорядившись, – Лудо, обедать в поместье мы не будем, скажи кухарке, чтобы ничего не готовила.

Глава 12

Было довольно увлекательно наблюдать из окна небольшой кареты за проезжающими мимо нас старинными автомобилями, которыми управляли высокомерные господа; спешащими доставить пассажиров кебами; юркими и лёгкими двуколками, в которых, залиvisto смеясь, сидели юные мсье.

Улицы Ранье были куда оживлённее улиц провинциального Диншопа. Все куда-то спешили, было шумно, ярко, но в то же время здесь процветала нищета и разбой, особенно это было заметно на окраинах города.

Скособоченные, в пятнах плесени дома. Недостроенные, но уже разрушающиеся каморки, в которых бездомные укрывались от непогоды. Двухэтажные домики с облезшими стенами ютились среди кирпичных заводов и бумагопрядильных фабрик, которые выпускали из своих труб чёрный густой дым. Там же находились грядки с овощами, огороженные гнилыми досками с остатками голубой краски. Горы мусора, перепревшего сорняка, бурьяна и крапивы.

Полуголодные дети играли в пыли палками и связанным в тугую комок тряпьем. Их сердитые, уставшие матери, занимаясь домашними делами, зорко следили за своими чадами. Отцы-работяги, уходившие на заработок в город в понедельник, чтобы только в субботу вернуться к семье, заливали обиды дешёвым пойлом. Мелкие лавочники, прачки, гладильщицы, расположившиеся со своим ремеслом в одной из жилых комнат, брали на дом работу, чтобы хоть как-то выжить в этом забытом богом месте.

Но постепенно сырые развалюхи сменяли дома подворотней, с небольшими ухоженными огородами. Улицы становились шире, чище, и всё меньше встречались попрошайки. Вслед за ними появлялись большие поместья, с садами и лужайками, выведенными словно по линейке клумбами и узкими дорожками.

После снова развалюхи, грязь и нищета, среди этого убожества – маленькие симпатичные часовни. Всё это плавно перетекало в главный порт Парбот, с пришвартованными огромными кораблями, баржами и мелкими судами, над которыми летали крикливые чайки. И наконец центр города... прекрасный, богатый, сверкающий чистотой и яркими, привлекающими взгляд вывесками.

Поместье Рейн находилось в сорока минутах езды от города, в чудесной долине, окружённой деревьями и кустарником. Земля там была глинистая, скудная, поэтому полей и огородов в долине дождей не встретишь. Зато воздух был чист, запах прелой листвы, сладкий аромат летних цветов и сырой земли дарили покой и умиротворение. И я бы ни за что не променяла жизнь в поместье на жизнь в крикливом и бойком Ранье.

А вот кирпичный завод отца был построен в несколько милях от поместья, и если бы не зарядившие перед нашим прибытием дожди, которые размыли к нему единственную прямую дорогу, мне и сыну не пришлось бы добираться до места назначения через весь город и смотреть на то, как нищие дерутся в грязи за брошенную одним из юных мсье монетку.

– Ты был в парке? – прервала наше затянувшееся молчание, обращаясь к Дарену, который, высунув головёнку в окно кареты, с любопытством всё осматривал.

– Нет, я был в городе три раза, мы ездили к мсье Сефтону, – ответил сын, ненадолго обернувшись в мою сторону.

– Я тоже давно не была, наверняка в парке многое изменилось, – произнесла, снова замолчав, совершенно теряясь рядом с ребёнком, мысленно выругалась на Кипа, который заявил, что поедет на облучке с извозчиком.

– Томас сказал, что там продают мороженое и яблоко в карамели, – неожиданно заговорил сын, продолжая смотреть в окно.

– Это твой друг?

– Нет, он был у мсье Сефтона, когда я приезжал к нему. Томас старше меня на пять лет, и он дерётся.

– Ты дал ему сдачи?

– Нет, он сильнее и больше.

– Это не важно, даже маленький человек может победить большого, просто надо знать, как это сделать. Мы попросим Кипа, он обязательно тебя научит.

– Он уже показал один приём, – вдруг озорно улыбнулся Дарен, бросив на меня украдкой взгляд.

– Отлично, – улыбкой поддержала начало доверительной беседы, поставив мысленную зарубку обязательно выяснить, что это за приём такой и почему я об этом ничего не знаю.

– Наверное, мы приехали, – неуверенно сообщил Дарен, и правда, карета через пять минут плавно остановилась, а перед нашими окнами возник высокий кирпичный забор.

– Да, приехали, выходим?

– Прошу вас, мадам, – тотчас раздался довольный голос Кипа, дверь распахнулась, являя нашему взору улыбающегося секретаря, – мсье Дарен, мадам Делия.

– Благодарю, – рассеянно проговорила, беглым взглядом осмотрев кирпичный забор, который терялся в обе стороны за горизонтом. И массивную деревянную дверь, что сейчас была заперта.

– Я постучал, за ней отозвались и пообещали открыть, – сообщил Кип, в очередной раз восхитив меня своей предусмотрительностью.

– Спасибо, – едва успела поблагодарить, за стеной послышался невнятный говор, затем скрежет ржавого железа, и дверь отворилась.

– Мадам Делия де Виан-Рейн и мсье Дарен Доуман, – громко объявил Кип застывшим по ту сторону стены седовласому мужчине лет шестидесяти на вид и светловолосому парню, которому, скорее всего, было не больше семнадцати.

– Хозяйка? Выздоровели? – неверующе уставился на меня мужчина, беглым взглядом окинув меня с ног до головы, – а господина Сефтона нет, управляющего тоже сегодня не было.

– Я знаю, что их нет, – проговорила, слегка и незаметно подтолкнув сына в спину, под сказав, что пора идти, первой направилась к двери, – кто вы?

– Эээ... мастер я здешний, заведу, значит, производством, только заказов совсем нет, кирпич на складах лежит, никому не нужный, – ответил мужчина, торопливо сдвигаясь в сторону.

– Звать тебя как, мастер? И парень пусть представится, – улыбнулась растерявшимся работникам, быстро оглядев двор. В южной его части находились печи для обжига кирпичей, сушильные камеры и, судя по дымовой трубе, котельная. Всё выглядело крепким, было заметно, что здания находились в хозяйских руках. В северной стороне под длинным навесом лежала привезённая глина, там же стояли склады, в которых, возможно, хранился готовый к продаже кирпич. У входа на территорию завода было построено двухэтажное здание, на первом жили работники, что приезжали сюда из ближайших деревень, на втором должны находиться кабинеты отца, управляющего и комната отдыха.

– Гейб я, а это Мило, он на воротах стоит, – ответил мужчина, прерывая мои мысли, неловко улыбнувшись, и замер в ожидании.

– Мило, значит... Гейб, раз ты здесь за главного, наказываю тебе с сегодняшнего дня на территорию завода не пропускать никого из семьи Доуман, также запрещено заходить на территорию завода управляющему. Ты меня понял?

– А как же... кто за всем этим? – растерялся от таких новостей мужчина, взглядом ища поддержки и объяснения у Кипа, которого, казалось, всё это только веселило.

– Я буду. Ты, Гейб, умеешь производить кирпичи, а я смогу их продать, – пояснила недоумевающему мастеру, – Дарен мне в этом поможет, а пока покажи мне завод. Мило, если появится управляющий, позови меня или моего секретаря мсье Джонса.

– Как прикажете, госпожа, – тотчас заверил меня парнишка, которого не так обеспокоили грядущие изменения.

– Пройдёмте, хозяйка, – позвал Гейб, до сих пор пребывая в растерянности, но всё же не преминул напомнить, – тут склады, сейчас в них полно кирпичей, только они никому не нужны.

– Угу, а здесь котельная, – проявила чудеса догадливости, с трудом сохраняя серьёзное выражение лица, так как Гейб настойчиво продолжал обращаться к Кипу, не зная, как себя вести с женщиной. Хотя я знала, что в Ранье, как и в других крупных городах, женщины давно управляют своим имуществом, создают компании, открывают заводы и фабрики, просто их ещё так мало, что пока для таких вот замшелых шовинистов это было диковинкой.

– Сейчас здесь осталось всего десяток работников, остальные подались на заработки в город, – пожаловался Гейб после часовой экскурсии по заводу, – господин Грин задолжал нам за полгода работы, но говорит выплачивать нечем, товар весь на складе.

– Много должен?

– Мне пятнадцать фарингов, остальным меньше.

– Подскажешь, где кабинет управляющего?

– Как не показать, вы ж хозяйка, только двери господин Грин запирает, – меланхолично пожал плечами Гейб, показывая дорогу.

– Когда он обычно приезжает?

– Как дожди начались, уже неделю не показывался... вот, госпожа, его кабинет, – ткнул пальцем мастер на массивную дверь.

– Сломать можешь?

– Если госпожа прикажет, – пробормотал мастер, придя в ещё большее замешательство, – ломать?

– Да, – коротко ответила, покосившись на сына, для которого сейчас было всё интересно и ново, по-моему, его даже увлекла эта проверка. Зря я волновалась, что Дарену будет скучно, вон какими глазёнками он следил за Гейбом, который устремился вниз по лестнице и вскоре вернулся с кряжистым рыжеволосым мужчиной, в его богатырских руках была огромная кувалда.

– Госпожа, вы бы отошли, а то зацеплю ненароком, – пробасил приглашённый. Мы тут же последовали его совету и, уйдя вглубь небольшого коридора, замерли в ожидании. Один сильный удар – и дверь с обиженным стоном распахнулась, сердито врезавшись в стену.

– Оу! – тотчас раздалось восторженное восклицание сына, он с уважением взглянул на мужчину, которому явно польстило такое внимание.

– Ты заходи почаще, я научу молотом тебя стучать, руки станут крепкими, – произнёс работник, на миг забывшись, но тихое шипение мастера напомнило ему об ошибке, – простите, госпожа, мсье...

– Дарен, ты хочешь сходить с... – вопросительно взглянула на мужчину, опасливо поглядывающего в мою сторону.

– Фок, госпожа.

– С Фоком?

– А можно?

– Конечно, Кип тебе проводит, а я пока посмотрю бумаги, – улыбнулась сыну, которому явно не терпелось узнать, что такое молот.

– А ты? Ты просила помочь, – рванул было к лестнице Дарен, но резко остановился.

– Бумаг хватит на всех, я пока их разберу, а после начнём просматривать и пересчитывать, – заверила ребёнка в том, что его помощь мне обязательно потребуется, кивком отпустила Гейба и остальных, дождалась, когда мужчины скроются за поворотом, и повернулась к кабинету управляющего.

Он был грязный, словно здесь не убрали со дня гибели отца. Наверняка ранее в комнате было богатое убранство, сейчас же здесь сиротливо стояли две табуретки, невысокий шкаф, заваленный конторскими книгами и прочей макулатурой, колченогий стол, старый календарь, чернильница и часы, не заводившиеся по меньшей мере лет пять. На полу вперемешку с мусором и глиной валялись рыбы кости, засохший огрызок яблока и смятые в комок листы бумаги. Брезгливо оглядев засаленный край стола, я, тяжело вздохнув, приступила к нудной, невообразимо противной работе.

Глава 13

– Мадам Делия! Госпожа... – прервал меня от созерцания трёх стопок бумаг робкий голос Мило, – госпожа, там мсье Грин пришёл, как вы и велели, я его не пустил на завод, но он шибко ругается.

– Эээ... да, ты молодец, – рассеянно проговорила, наконец сфокусировав взгляд на парнишке, – где он стоит?

– За дверью. Стучит и обещает меня выпороть.

– Не трусь, – ободряюще улыбнулась, с тихим стоном поднимаясь с шаткого табурета, мельком посмотрев на часы, которые мне всё же удалось завести, и потрясённо выдохнула, – три часа прошло?

– Да, госпожа, мсье Дарен и мсье Кип поднимались к вам, но вы были заняты, и они снова ушли к мастеру.

– Давно? – уточнила, мысленно выругавшись: «мать из меня так себе, даже не заметила ребёнка, он, поди, ещё и голодный».

– Часа два прошло, – ответил Мило, поспешил добавить, – маленький господин кирпичи учился изготавливать... вон слышите, мсье Грин кричит.

– Угу, – согласно кивнула, быстро спустилась по лестнице на первый этаж. Широким шагом направилась к двери, за которой ругаясь и стуча чем-то тяжёлым по ней, надрывался уже бывший управляющий.

– Открывать, госпожа? – шёпотом спросил Мило, застыв возле забора, опасливо поглядывая на содрогающуюся под ударами дверь.

– Открывай, – скомандовала, встав так, чтобы мимо меня не смог пройти мсье Грин, и замерла в ожидании.

– Выгоню! Сначала выпорю! Потом выгоню! – визгливо заорал широкоскулый мужчина средних лет, с густыми чёрными бровями, толстыми губами и бычьей шеей, выпиравшей из воротника. От столь неприкрытой злобы и резвости взбешённого управляющего я на секунду испугалась, ведь он легко меня снесёт и не заметит, но мой громкий окрик всё же вовремя остановил его. Возможно, в данной ситуации сработала внезапность, всё же женский голос на территории кирпичного завода бывший управляющий никак не ожидал услышать.

– Я полагаю, вы и есть управляющий? – уже тише произнесла, оглядев мсье Грина с ног до головы. На нём был опрятный и добротный костюм из тёмно-коричневой шерсти, до блеска начищенная обувь, что никак не вязалось у меня с тем свинарником, что я видела в кабинете. А светло-коричневая шляпа и трость указывали, что он ревностно следит за модными веяниями столицы.

– Я мсье Грин, управляющий этого кирпичного завода, а вы, позвольте узнать, кто? – ответил мужчина, вздёрнув подбородок вверх, пытаясь за высокомерной и снисходительной улыбкой спрятать свой недавний истеричный конфуз.

– Я... мадам Делия де Виан-Рейн, и с сегодняшнего дня вы не являетесь управляющим этого завода. Немедленно покиньте территорию, – с мягкой улыбкой проговорила, с интересом наблюдая за меняющимся выражением лица мужчины. Удивление, злость, озадаченность и победная ухмылка.

– Мадам Делия, рад вас видеть, мсье Сефтон говорил, вам стало хуже.

– Он поторопился, воздух в Диншоппе поистине исцеляющий, советую и вам посетить эти места.

– Благодарю, я непременно воспользуюсь вашей рекомендацией, – проворковал мсье Грин, слащаво улыбаясь, но его жульнический прищур выдавал усиленный мозговой процесс, – мадам Делия, я считаю, вам стоит побеседовать с мсье Сефтоном, прежде чем принимать

поспешные выводы. Не нужно слушать грубых деревенщин, они совершенно не разбираются в вопросах производства. Да и вам незачем вникать в столь сложную процедуру: встречи, переговоры, счета – это всё так утомительно и скучно. Давайте мы пройдем в кабинет вашего отца, выпьем чай, я расскажу вам последние новости в светских кругах Ранье, а после продолжу свою работу...

– Нет, прощайте, мсье Грин, – прервала словоохотливого управляющего, лишь ещё больше разозлив его. Пришлось, чеканя каждое слово, добавить, – не вынуждайте меня вышвыривать вас за дверь, покиньте территорию завода сами.

– Не совершайте ошибку, мадам Делия, – предостерегающе прошипел мужчина, стиснув в руках деревянную трость.

– Я постараюсь, а теперь вон отсюда.

– Вы пож...

– Выкинуть за дверь этого господина? – раздался насмешливый голос Кипа за моей спиной, через секунду секретарь и сам возник с левой стороны от меня. Следом маленькая ручка крепко сжала мою ладонь, и сын встал с правой, чуть выступая вперёд, будто заслоняя меня. Мсье Грин, заметив такую поддержку, что-то невнятно и злобно буркнул и поспешил тотчас ретироваться.

– Вы вовремя, – произнесла, ласково улыбнувшись сыну, обратилась к мужчинам, – Мило, запри дверь и больше мсье Грин не пропускай. Кип, управляющий уж очень хотел сегодня поработать и невольно проговорился о встрече, проследи за ним, уверена, сейчас сюда едет покупатель.

– Если так, госпожа, то у нас полно кирпича, – напомнил о больном Гейб, оказывается, тоже присутствующий у сторожки.

– Это хорошо, но такого кирпича в Ранье хватает, у нас слишком много конкурентов, а спрос на него упал три года назад... кирпич в таком количестве уже никому не нужен, – задумчиво пробормотала, пытаясь уловить мысль, которая, вильнув хвостом, всё-таки успела ускользнуть от меня, – Кип, ты ещё здесь? Мы не можем упустить клиента.

– Сейчас Мило приведёт коня, на карете я буду слишком замечен.

– Не дай Грин увести его от нас, – напутствовала секретаря, слегка сжав ладошку сына, повела его к зданию конторы и едва слышно произнесла, – однажды я услышала фразу: «Если бог подарил женщине сына, значит, он хотел защитить её»... спасибо, Дарен, твоя поддержка была для меня очень важна.

– Я видел мсье Грин у мсье Сефтона в доме, он злой, – чуть запнувшись проговорил ребёнок, продолжая держать меня за руку, – пойдём, помогу тебе считать, я хорошо знаю арифметику, мсье Теодор хвалил меня за усердие.

– Давай сначала заглянем в кабинет деда, проверим как там, а после займёмся счётом, – предложила, потянув сына в сторону конторы, обеспокоенно спросив, – ты, наверное, голоден?

– Нет, Фок угостил нас сыром. Его жена готовит сыр из молока коз, он очень вкусный. Я не знал, что козы тоже дают молоко.

– Разве Теодор не рассказывал об этом?

– Нет, мы учили счёт, письмо, геральдическое дерево, историю и географию.

– Ясно, проходи, – пропустила перед собой сына, поднимаясь на второй этаж следом за ним, – ты же читать умеешь?

– Да, плохо, как говорит мсье Теодор, я не чувствую ритм.

– Это что? Вы стихи читали?

– И стихи, – коротко ответил ребёнок, заглядывая в кабинет, задумчиво пробормотал, – это ты всё разобрала?

– Я, идём. За этой дверью был кабинет твоего деда, надеюсь, он открыт, иначе придётся снова звать Фока.

Дверь оказалась заперта, и рыжеволосого здоровяка всё же пришлось звать, и только он снёс дверь, в коридор вбежал Мило, сообщив нам, что мсье Джонс подъехал к воротам, а с ним ещё один господин.

– Дарен... погуляй ещё немного с Фоком, я разберусь с покупателем, и мы поедем в город.

– Конечно, мсье Фок, покажите мне, как обрабатывают глину.

– Какой же я вам мсье, маленький господин, – добродушно ухмыльнулся мужчина, вино-
вато мне улыбнувшись.

– Ты много знаешь, умеешь, а ещё сильный, – привёл аргументы Дарен, едва заметно мне кивнув, и первым вышел в коридор. Я же, благодарно улыбнувшись мужчине, быстро осмотрелась.

В кабинете отца было чисто. А ещё здесь стояла добротная мебель из тёмного полированного дерева и небольшой диванчик у единственного окна. Наверняка, если бы не встречи с покупателями – и в этой небольшой комнате давно бы ничего не было. Даже две огромные вазы ещё стояли, и чайный столик сохранился, такой же был в гостинной поместья. А вот картины фривольного содержания, что висели на стене, явно были лишними. Сомневаюсь, что это отец Делии их здесь повесил, но сейчас они бросались в глаза, стоило только переступить порог кабинета.

Снять их не составило большого труда, как и задвинуть за диванчик. Быстро смахнув пыль с видимой поверхности, я успела удобно разместиться в кресле за письменным столом, когда Кип Джонс, громко постучав в дверь, объявил:

– Мадам Делия, к вам мсье Харрис Грин.

– Мсье, прошу вас присаживайтесь, – как можно любезней улыбнулась, показав на диван, – чай, кофе?

– Нет, спасибо... – растерянно улыбнулся в ответ мужчина, лет сорока с небольшим. Он нерешительно, я бы отметила, робко прошёл к дивану, присев на его край, и заговорил, – мсье Джонс сообщил мне, что теперь все вопросы, касающиеся продажи завода я буду решать с вами.

– Хм... мсье Джонс верно вам сообщил, – вполголоса протянула, медленно поднимаясь из-за стола, так же медленно прошла к дивану, присела в слегка продавленное кресло рядом с гостем. Хотела продемонстрировать своё расположение и открытость потенциальному покупателю кирпичей, но, как оказалось, здесь всё гораздо интереснее. Неужели старший Доуман был настолько уверен в скорой смерти Дель, что решился на продажу её имущества?

– С мсье Грин мы условились на эту сумму, – прервал затянувшееся молчание мужчина, положив на стол чек, – мне осталось поставить подпись, а вам подписать договор в банке.

– Мсье Харрис, зачем вам завод? Кирпич не покупают, рынок насытился. Строительство сбавило свои обороты, – спросила, чуть откинувшись на спинку кресла, – снести здания выйдет вам дорого, перестроить... хм, возможно, но доставка...

– Мадам Делия, раз уж у нас с вами такой откровенный разговор, – вдруг улыбнулся мужчина, удобней устраиваясь на диване, – я буду честен, мне не нужен этот завод. Но я вижу, куда можно вложить деньги... эти здания, земли и место удобное. Скоро, всего через каких-то пятнадцать лет, Ранье достигнет стен завода, и его стоимость увеличится в несколько сотен раз. И поверьте, мадам Делия, ту сумму, которую я вам предлагаю, никто больше не даст. А с вашими долгами, залковыми и невыплаченными обязательствами у вас только один выход – продать мне ваш завод.

– У меня к вам другое предложение, – произнесла, посмотрев прямо в серые глаза самоуверенного мужчины, – зачем ждать пятнадцать-двадцать лет, чтобы получить прибыль? Вы умный мужчина и умеете считать, ведь так, мсье Харрис? Я вам предлагаю вложиться в мой завод и получать проценты от прибыли уже через пять месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.